

Л. С. Хейфец, В. Л. Хейфец

КОМИНТЕРН И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

ЛЮДИ, СТРУКТУРЫ, РЕШЕНИЯ

Виктор Хейфец

**Коминтерн и Латинская Америка:
люди, структуры, решения**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2019

УДК 94(47+8=6)
ББК 63.3(2+70)

Хейфец В. Л.

Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения /
В. Л. Хейфец — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2019

ISBN 978-5-8243-2260-6

В монографии анализируются характер и эволюция организационных связей между Третьим (Коммунистическим) Интернационалом и его национальными секциями в Латинской Америке, деятельность центральных и региональных структур Коминтерна в решающее для становления компартий десятилетие - 1919-1929 гг. Особое внимание уделено деятельности эмиссаров Коминтерна, Профинтерна и КИМа в различных странах Латинской Америки и их роли в создании и эволюции левых партий. Подробно исследована взаимосвязь между деятельностью советских дипломатов и отдельных компартий. Монография является результатом многолетней работы авторов в российских и зарубежных архивах. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47+8=6)
ББК 63.3(2+70)

ISBN 978-5-8243-2260-6

© Хейфец В. Л., 2019
© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	13
1.1. Историография связей III Интернационала и латиноамериканского революционного движения	13
1.2. Источниковедческие проблемы исследования связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки	34
Глава 2	49
2.1. Поездка Михаила Бородина в Мексику – первая миссия Коминтерна в Латинской Америке	50
2.2. Деятельность Латиноамериканского бюро III Интернационала	61
2.3. Начало систематической работы по формированию региональных структур Коминтерна	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лазарь Хейфец, Виктор Хейфец

Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения

Хейфец Лазарь Соломонович – доктор исторических наук, доцент.

Заслуженный работник высшей школы РФ (1996). Профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, председатель петербургского отделения Российской ассоциации исследователей ибероамериканского мира. Автор более 250 научных публикаций по истории левого движения, проблемам международных отношений и современным политическим проблемам Латинской Америки, изданных в России и за рубежом. Участник «Ганноверского проекта» по созданию большого биографического словаря Коминтерна. Член Научного совета «Memoria Roja. Archivo Digital de Fuentes y Datos de la Internacional Comunista de América Latina» (Бразилия), Редакционных советов альманаха «Americana», журналов «Латинская Америка», «Iberoamerica».

Хейфец Виктор Лазаревич – доктор исторических наук, профессор РАН.

Директор Центра ибероамериканских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, профессор СПбГУ, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге. Автор более 200 научных публикаций по истории левого движения, проблемам международных отношений и современным политическим проблемам Латинской Америки, изданных в России и за рубежом. Участник «Ганноверского проекта» по созданию большого биографического словаря Коминтерна. Директор Редакционного совета журнала «Izquierdas» (Santiago de Chile), член редсовета журналов «Revista CS», «Вестник РУДН». Серия «Международные отношения», «Archivos de historia del movimiento obrero y de izquierda».

Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения / Л. С. Хейфец, В. Л. Хейфец. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 759 с.

© Хейфец Л. С., Хейфец В. Л., 2019

© Политическая энциклопедия, 2019

Введение

Политической истории известны многочисленные попытки создания международных организаций или сообществ с различными целями и разной идеологией. Непохожей была и их судьба. Одни успешно действовали долгие годы, другие появлялись и исчезали, не оставив заметного следа в истории. III, Коммунистический, Интернационал (Коминтерн), казалось бы, должен относиться ко второй категории. Всего 24 года отвела ему историческая реальность. Но вот уже более половины века вновь и вновь к его деятельности возвращаются историки. И в результате этих исследований обнаруживаются новые факты, возникают новые оценки.

История III Интернационала (Коминтерна) и его контактов с национальными секциями до сих пор остается одной из лакун международной историографии. Хотя взаимоотношения Коминтерна (КИ) и коммунистического движения Латинской Америки (на примере тех или иных стран) относятся к числу проблем, подвергшихся масштабному исследованию отечественных и зарубежных специалистов, отсутствуют работы, подробно рассматривающие связи Интернационала с левым движением стран региона. Изданные монографии и статьи ограничиваются анализом и освещением тех или иных аспектов данной проблемы либо базируются только на отдельных документах, что, естественно, создает искаженную картину воздействия Интернационала на эволюцию левого движения Латинской Америки, а исследования нередко выстраиваются на неподтвержденных догадках и предположениях.

Коминтерн был уникальной международной организационной структурой, «объединением коммунистических партий в единую пролетарскую партию»¹, строившей свою деятельность на принципах демократического централизма. Перенесение большевистского опыта создания и функционирования политической партии в одной стране во всемирную плоскость радикально меняли все привычные механизмы. Даже в масштабах Советской России (СССР), где партийный и государственный аппарат параллельно решали одни и те же задачи, когда для воплощения в жизнь партийных задач могли быть мобилизованы все ресурсы государства, механизм централизованного управления давал сбои. Для руководства всемирной структурой тем более требовался великолепно отлаженный управленческий механизм, предельно четко организованный и отлаженный.

Одним из мифов марксистской историографии являлся постулат о стройной научной теории, лежавшей в основе организационного построения III Интернационала, утверждение о том, что «Ленин и Коминтерн вооружали коммунистические партии научными организационными принципами». Одной из доминант этого подхода был тезис, подчеркивающий, что Коммунистический Интернационал «являлся такой организационной формой объединения коммунистов, которая была целесообразна в конкретных условиях того времени» и выражала «закономерное стремление коммунистов к установлению союза своих партий, оформленного в единую международную организацию», что под руководством В.И. Ленина в Коминтерне сложилась стройная система взаимоотношений национальных отрядов международного коммунистического движения, построенная на опыте коллективной практической работы компартий².

Стремление обосновать этот принцип требовало серьезных усилий для постоянного отпора «клеветническим домыслам антико-минтерновских историков, извращающих сущность взаимоотношений Коминтерна, ВКП(б) и братских партий»³. При этом предметом умол-

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня -8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.: Л., 1925. Ч. II. С. 89.

² Александров В.В. Традиции Коминтерна // Рабочий класс и современный мир. 1979. № 2. С. 5–6; Колесников С. Вклад КПСС в развитие межпартийных отношений в Коминтерне на основе пролетарского интернационализма (1924–1926 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1979. № 8. С. 17.

³ Там же.

чания в литературе был как раз анализ организационной структуры III Интернационала, характера и принципов международных связей национальных секций «единой пролетарской партии» с ее штаб-квартирой в Москве и между собой. Принципы взаимоотношений оценивались избирательно и декларативно. В одной из типичных для того времени статей отмечалось: «...складывание организационной структуры Коминтерна на основе демократического централизма отражало потребности интернационального сплочения, централизации усилий коммунистических партий. такое построение его организации способствовало эффективному обмену революционным опытом, глубокому усвоению принципов марксизма-ленинизма, исторического опыта большевизма, ускоряло процессы формирования, идейно-организационного укрепления партий нового типа во всех странах. Но если в первом Уставе Коминтерна был сделан акцент на централизм в структуре международной организации, что вызывалось особенностями начального периода складывания союза компартий, то последующие конгрессы дополняли и развивали диалектическое сочетание централизма и демократии»⁴.

Вся организационная деятельность Коминтерна рассматривалась в советской литературе как успешная, построенная на научной основе. При этом практически не исследовались механизм взаимоотношений руководства международной компартии и её национальных секций, схема функционирования аппарата, эволюция организационной структуры Коминтерна и взаимосвязь ее перестройки с политическими и идеологическими процессами, происходившими в международном коммунистическом движении и на «родине мирового пролетариата» – в СССР.

В какой-то мере Коминтерн можно сравнить с Ватиканом, стремившимся из одного центра направлять и контролировать деятельность католической церкви, требовавшим дисциплины, абсолютного подчинения от всех исповедовавших католичество в вопросах веры и строгого соблюдения субординации на всех ступенях церковной иерархии. Если что-то радикально отличает Ватикан от Коминтерна, так это отсутствие принципа «выборности снизу доверху», и то это очень условное различие. Верховный понтифик избирается конклавом, и такой принцип выборности соблюдается неукоснительно, а в Коминтерне этого придерживались далеко не всегда, да и правила менялись иногда на ходу. Аналогия уместна еще и потому, что складывалась структура этих столь далеких друг от друга организаций не на основе какого-то строгого плана, а эмпирически, методом проб и ошибок, что приводило к серьезным проблемам в действиях организации в целом и на уровне отдельных стран.

И Ватикан, и Коминтерн стремились к созданию новой цивилизации, считая их зарождение началом новой эры в истории человечества. Христианство начинает отсчет с Рождества Христова. Коммунистическая цивилизация – с Великой Октябрьской социалистической революции. Как считал С. Хантингтон, Россия, пытаясь распространить пролетарскую революцию на весь мир, нашла идеальное решение проблемы отставания от Запада, став «воплощением не отсталого азиатского прошлого, а прогрессивного советского будущего. На самом деле революция позволила России перепрыгнуть Запад, отличиться от остальных не потому, что “вы другие, а мы не станем как вы”, как утверждали славянофилы, а потому, что “мы другие и скоро вы станете, как мы”, что провозглашал Коммунистический Интернационал. В большей части Запада превалировала марксистская перспектива: коммунизм и социализм рассматривались как веяние будущего и в той или иной форме радостно воспринимались политическими и интеллектуальными элитами»⁵.

Для значительной части адептов коммунистической цивилизации восприятие идей большевистской революции лежало в эмоциональной сфере, как и учение Христа для христиан. Ватикан создал мировую структуру католической церкви, механизм, позволяющий управлять

⁴ Там же.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 214–215.

сотнями миллионов верующих. III Интернационал был призван для распространения влияния новой идеологии и создания нового мирового устройства во главе с пролетариатом и его авангардом – коммунистическим движением. Неофиты нового учения «обладали такими качествами, как способность к борьбе, непримиримость к социальному злу, стремление к организованности, чувство единства, пролетарской гордости, особенно классовое чувство... Мы не были настоящими марксистами. Марксизм пришел в СРП⁶ со временем, благодаря изучению книг, поступающих из Европы, благодаря установлению международных связей, поездкам товарищей за границу и сотрудничеству с Коммунистическим Интернационалом», – отмечал видный чилийский коммунист Э. Лаферте⁷. Если такая ситуация существовала в Чили, где социалистическая партия, входившая во II Интернационал, испытывавшая сильное влияние европейского марксизма, полностью, не пережив раскола, перешла на позиции Коминтерна, то путь интеграции в мировое коммунистическое движение для других латиноамериканских радикальных революционных групп, объединявших сторонников Октября, был намного сложнее и тернистее.

Исследование взаимоотношений коммунистических партий и групп Латинской Америки с III Интернационалом помогает по-иному, в сравнении со сложившимися представлениями, увидеть всю историю революционного движения континента. В настоящей монографии делается попытка проанализировать на принципиально новой основе формирование и эволюцию организационных и идейных связей Коминтерна и его латиноамериканских секций в первом десятилетии деятельности мировой коммунистической партии. Доступные ныне исследователям фонды Российского государственного архива социально-политической истории, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, мексиканских и американских архивов позволяют подвести под работы историков солидную документальную базу, с тем чтобы на её основе подтвердить либо опровергнуть концепции и схемы, долгое время доминировавшие в историографии. Тщательное изучение огромного массива документов, не доступных ранее исследователям, дает возможность ввести в научный оборот неизвестные прежде факты взаимоотношений Коминтерна с его латиноамериканскими секциями, показав механизм и степень воздействия всемирной компартии на левое движение стран континента и выявив различные формы данного воздействия.

Любое претендующее на достоверность исследование левого (коммунистического) движения в межвоенный период невозможно без включения его в международный контекст, что подразумевает не только изучение собственно внутрипартийных событий, но и требует анализа воздействия, оказанного Коминтерном, являвшегося «социологически единым феноменом... организацией, требовавшей абсолютной верности, дисциплинированной преданности от своих секций»⁸. Сами лидеры левых не особо скрывали факт отношений с всемирной компартией, поясняя, что их история «тесно связана с историей международного коммунистического движения, интегральной частью которого мы являемся»⁹. Это, впрочем, не отменяет того факта, что на протяжении первого периода существования Интернационала данная структура еще не стала централизованной, абсолютно дисциплинированной и допускала возможность дискуссий по существенным вопросам.

Вопрос о степени воздействия Коминтерна на руководство Коммунистической партии Мексики (КПМ) и левое движение отдельных стран континента подразумевает необходимость выяснить, что в его развитии являлось автохтонным, а что было привнесено извне. Важно также исследовать характер взаимоотношений между различными левыми группировками и

⁶ Социалистическая Рабочая партия Чили.

⁷ Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961. С. 83–84.

⁸ Anderson P. Communist Party History // Samuel R. (ed.). Peoples History and Socialist Theory. L., 1981. P. 150.

⁹ Mart'nez Verdugo A. Trayectoria y perspectivas. México, 1977. P. 16.

партиями Западного полушария, прежде всего с Коммунистической партией США, которой III Интернационал поручил «курировать» «братские партии» в Латинской Америке. Эти контакты были весьма тесными на протяжении первых десятилетий существования компартий в регионе, кроме того, ряд членов КП США непосредственно участвовали в работе руководящих органов некоторых компартий Латинской Америки и играли существенную роль в разработке ее важнейших решений.

Речь идет о восприятии истории левого движения не только посредством изучения его политических деклараций, программы, структуры и внутренних организационных перемен, но и путем выяснения его места в политической и социальной действительности страны. Важно выявить происхождение политических и организационных тенденций левого движения, поскольку, как отмечал выдающийся французский социолог М. Дюверже, «все партии испытывают сильнейшее влияние своего происхождения, подобно тому, как люди всю жизнь несут на себе печать своего детства»¹⁰.

Иначе говоря, необходимо понять, стало ли воздействие со стороны III Интернационала абсолютно чужеродным фактором в истории левого движения тех или иных латиноамериканских стран или же создание и деятельность национальных секций Коминтерна являлось процессом, в котором рост влияния коммунистов в обществе стер границы между международной и национальными сторонами своего развития. Учитывая, что коммунистическое движение, сформировавшееся в Латинской Америке в 1919–1929 гг., во многом основывалось на идеологии, привнесенной из Европы, а не на постулатах местных революций (из которых важнейшей, но не единственной была мексиканская революция 1910–1917 гг.), перед исследователями стоит задача определить, правы ли те, кто полагает, что компартии «являются продуктом трансплантации большевистской модели в социально-политическую обстановку, совершенно отличную от российской действительности... представляют собой разрыв с традициями и революционным опытом каждой конкретной страны, между тем как большевистская партия являлась итогом плодотворного усвоения российских революционных традиций. Теория и практика компартий не отвечают ни национальным условиям, ни международной обстановке, отсюда и слабость, демонстрируемая ими с первого же момента, их неспособность выполнить великую задачу»¹¹.

Представляется неприемлемым редуционистский подход исследователей-антикоммунистов, стремящихся свести историю левого движения к истории не критического восприятия любых директив из Москвы и отказывающих компартиям в какой-либо степени самобытности. Важно выяснить, какие решения Коминтерна были навязаны, а в каких случаях политика и директивы III Интернационала охотно воспринимались местными левыми, исследуя обстоятельства, объясняющие это совпадение интересов в каждом конкретном случае. Необходимо также понять, в каких случаях внутривнутриполитические и социальные процессы в латиноамериканских государствах предвещали политику Коминтерна, поскольку международное коммунистическое движение никогда не было абсолютно однородным и его национальные секции в определенной степени восприняли национальную специфику и традиции собственных стран.

Традиционный грамшианский подход к изучению левого движения предполагает не столько написание внутренней жизни политических организаций с момента ее зарождения и идеологической полемики, в результате которой формировалась идеология движения, сколько интегрирование истории партии в историю всего общества¹². Подобным образом ставит вопрос

¹⁰ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 22.

¹¹ Claudin F. The Communist Movement: From Comintern to Cominform. Harmondsworth, 1975. P. 15.

¹² «Очевидно, что необходимо учитывать социальную группу, выражением и самой передовой частью которой является данная партия. В целом история партии не может быть меньше, чем история определенной социальной группы. Но эта группа не изолирована, у нее есть верные друзья, противники, враги. Лишь из сложной картины социального и государственного развития (а часто и в международном контексте) появится история определенной партии... партия может обладать большим

и один из ведущих марксистских интеллектуалов современности – британско-американский социолог и политолог П. Андерсон, указывающий на необходимость увязывать эволюцию национальных моделей коммунизма с историей «общенационального баланса сил» (классов, партий и государственных институтов) в каждом конкретном обществе. Иначе говоря, понимание левого движения возможно лишь в контексте социально-экономической и политической обстановки, в которой то действует.

В то же время предложенный А. Грамши и П. Андерсоном подход явно не годится для большинства неевропейских стран, где левое и коммунистическое движение не стало результатом развития предшествующих традиций рабочего движения. Проследить глобальную эволюцию латиноамериканского общества и соотнести с ней эволюцию левого движения тех или иных стран региона тем более является бессмысленным делом, поскольку на протяжении ряда лет логика развития компартии и Коминтерна требовала именно адаптации местных левых под универсальные стандарты Интернационала.

Кризис международного коммунистического движения, напрямую связанный с распадом Советского Союза и уходом с политической арены КПСС, привел к тому, что оно перестало существовать как цельная система контактов, взаимоотношений и действий марксистско-ленинских организаций. Произошедшая в конце XX в. смена эпох и парадигм вызвала к жизни необходимость пересмотра всей истории и традиционной линии коммунистов. Потеряв идеологическую, материальную, организационную поддержку со стороны СССР и стран социалистического блока, одни компартии видоизменились и по форме, и по содержанию, отказавшись от идеологии марксизма-ленинизма и даже от собственного названия, сумев найти для себя новую нишу в политическом спектре; другие были оттеснены на обочину политической жизни своих стран. Глобализация меняет всю структуру общественного развития, формирует иные, чем прежде, политические и идеологические тенденции. В Латинской Америке попытки определить свое место на политической арене в принципиально иных условиях привели левые силы к поиску новых форм единства, одну из которых, «социализм XXI века», предложил не коммунист, а националист левого толка президент Венесуэлы У. Чавес. На глазах меняется весь образ мыслей и поведения политических сил разного направления. Поэтому, говоря в настоящее время о ситуации в Латинской Америке, необходимо учитывать историю III Интернационала, его влияния на латиноамериканское коммунистическое движение; извлечь из нее по мере возможности политические уроки.

Настоящая монография охватила чуть более чем десятилетний период в истории левого движения Латинской Америки (1918–1929). Эти годы стали периодом формирования коммунистических партий и групп в большинстве стран континента, в каждой из которой создание коммунистических организаций обладало своими особенностями и было связано со специфической социально-политической обстановкой, характером революционного движения, способами идейно-организационного влияния III Интернационала и его региональных органов.

В 1918–1929 гг. сформировалась и упрочилась система организационных связей компартий с Коминтерном и аффилированными с ним международными организациями [Профинтерн, Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ), Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Крестинтерн, Межрабпом, Международная лига против империализма и за национальную независимость (Антиимпериалистическая лига) и т. д.]. Левые группировки наладили различные формы связи между собой, а также с американскими и европейскими коммунистами и профсоюзами. Конечно же, система контактов между Москвой и национальными секциями не была «застывшей», руководство III Интернационала находилось в процессе постоянного поиска наиболее эффективных, с его точки зрения, структур по

или меньшим значением, но именно в той степени, в которой ее конкретная деятельность была важна для определения истории своей страны». Gramsci A. *Notas sobre Maquiavelo, sobre política y sobre el Estado moderno*. P. 46. Цит. по: Michelle D'az L. *La Internacional Comunista y su sección mexicana*. México, 1985. P. 3.

руководству латиноамериканским коммунистическим движением и по формированию региональных органов для организации и координации деятельности национальных секций непосредственно в Латинской Америке.

За своеобразные границы авторы настоящей монографии решили взять январь 1918 г. – время основания Интернациональной социалистической партии Аргентины (пытавшейся играть роль своеобразного «континентального Интернационала») и 1929 г. – время проведения Первой конференции компартий Латинской Америки. В 1929 г. фактически завершился «романтический» период развития III Интернационала и начался переход к «бюрократическому» этапу, вызванному к жизни «сталинизацией» всемирной компартии. С этого момента в Латинской Америке начинает складываться система прямого вмешательства руководящих органов III Интернационала в процесс формирования и реорганизации левых партий на принципах «большевизации».

Эта монография – не история левого движения континента, написание которой пока остается мечтой авторов. Читателю предлагается анализ связей между левыми Латинской Америки и Коммунистическим Интернационалом.

Напомним, что большинство исследователей рабочего и левого движения традиционно подчеркивают роль политической верхушки компартий, их общенациональных и местных лидеров. Конечно, подобная институционалистская перспектива требует фактического изучения левого движения в рамках логики развития его организаций, внутренней борьбы и концентрирует основное внимание на руководителях движения, при этом уделяется гораздо меньше внимания событиям локальным. В то же время нельзя забывать, что именно для левых перемены в высшем эшелоне руководства компартии (а в международном плане – и в штаб-квартире Коминтерна), являвшиеся результатом как идеологической, так и политической борьбы, часто оказывались основой для последующего изменения партийной тактики. Вся история III Интернационала демонстрирует: случаи расхождения между политикой лидеров всемирной коммунистической партии и мнением ее национальных секций были не столь уж редки; однако выстраивание механизма принятия решения снизу доверху (от уровня местных организаций до уровня международного руководства) выглядело практически нонсенсом. В монографии впервые в отечественной и зарубежной историографии дается комплексный анализ проблем зарождения и эволюции связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки, создания континентальной модели всемирной коммунистической партии на протяжении первых десяти лет деятельности Коминтерна – исторического периода, имевшего особое значение для формирования и становления компартий региона. Исследование базируется на значительном комплексе ранее не доступных архивных материалов (документов Коминтерна и его национальных секций, международных организаций, действовавших под эгидой и контролем III Интернационала). Авторы сделали попытку сравнить эти документы с опубликованными ранее материалами, мемуарами, научной литературой, что позволило подтвердить или опровергнуть многие оценки и характеристики, долгое время доминировавшие в научной литературе и пропагандистской деятельности Коминтерна, развеять многочисленные мифы, вошедшие в историографию международного коммунистического движения вообще, но в первую очередь его латиноамериканской составляющей. Надеемся, что читателям окажутся интересными многие малоизвестные и не известные прежде факты истории международного коммунистического движения, и выстроенная в результате исторической реконструкции подлинная картина событий в контексте рассматриваемой проблемы. История никогда не обходится без исторических персонажей, не случайно и на страницах монографии немало место уделено выяснению реальной роли тех или иных людей, занимавших ключевые позиции в левом движении Латинской Америки.

* * *

Монография обобщает многолетние исследования авторов, которые принадлежат к разным поколениям историков. И было бы несправедливым не вспомнить, что эта тема была предложена старшему из нас нашими Учителями – И.М. Кривогузом и Ю.В. Егоровым. В значительной мере это на долгие годы определило нашу научную судьбу.

Выражаем глубокую признательность за постоянное внимание, доброжелательное отношение и помощь в работе действующим и бывшим сотрудникам Российского государственного архива социальнополитической истории (РГАСПИ) Г.М. Адиекову, К.М. Андерсону, Г.В. Горской, Л.К. Карловой, Р.И. Парадизовой, М.Н. Смолиной, С.М. Розенталь, Ю.Т. Туточкину, Э.Н. Шахназаровой, В.Н. Шепелеву, В.Н. Щечилиной, сотрудникам Центра исследований рабочего и социалистического движения Мексики (CEMOS) и Государственного архива Мексики, предоставившим доступ к ряду документов, зарубежным коллегам Р. Александеру, Дж. У.Ф. Даллесу, Ю. Мотесу, Б. Карру, Р. Ортис, Э. Арриоле Воогу, Э. Кончейро, Р. Мельгару, К. Мешкату, Ю. Паккасвирте, В. Рувинскому, Д. Спенсер, П.И. Тайбо II, А. Сабориту, К. Хацки, О. Ульяновой, Р. Тоссторфу, Э. Камареро, Х. Гутьерресу, К. Массон Сена, О. Креспо, И. Рейносо Хайме, помогавшим своими советами и щедро делившимися материалами по теме исследования на различных этапах работы авторов. Несколько человек прочли рукопись работы полностью или частично, сделав ряд ценных комментариев и предложений, которые, вне всяких сомнений, улучшили окончательный вариант исследования. В связи с этим особенно хочется выразить благодарность В.М. Давыдову, К.Л. Майданику, Л.С. Окуневой, Б.Ф. Мартынову, Б.И. Ковалю, И.И. Янчуку, Н.П. Калмыкову, Е.А. Ларину, М.Л. Чумаковой, Ю.И. Визгуновой, З.И. Ивановскому, Р.Ш. Ганелину, О.Н. Кену, А.А. Щелчкову, В.И. Фокину, В.С. Измозику, А. Сабориту, Р.В. Костюку, А.И. Кубышкину, В.Г. Буркову. Отдельной благодарности заслуживает А.С. Андреев (СПбГУ), оказавший немалую техническую помощь в ходе работы над рукописью. Благодарим за терпение наших близких, с пониманием относившихся к работе над книгой на протяжении многих лет.

Глава 1

Историографические и архивно-документальные аспекты изучения деятельности Коминтерна и его латиноамериканских секций (1918–1929)

1.1. Историография связей III Интернационала и латиноамериканского революционного движения

Одной из важнейших причин многочисленных лакун в истории III, Коммунистического, Интернационала (и это несмотря на написанные сотни книг и тысячи статей!) являлась идеологическая борьба вокруг деятельности «всемирной коммунистической партии». Противники коммунистического движения стремились доказать, что деятельность национальных секций Коминтерна направлялась из Москвы и они не были самостоятельными. Коммунисты, напротив, настаивали на самобытности своих партий и по возможности обходили принципиально важную тему – характер отношений между своими партиями и штаб-квартирой Коминтерна в Москве. И те и другие, как писал американский историк Р. Александер, основывались на «предположениях и догадках», не имея возможности подтвердить свои теории документами. В «предположениях и догадках» были конструктивные идеи, впоследствии подтвержденные документально, но часть из них, не получив доказательств, превратилась в домыслы. Поэтому коммунисты предпочитали анализ идейной борьбы в коммунистическом движении, а их оппоненты, опираясь в основном на воспоминания людей, по тем или иным причинам оказавшихся вне коммунистического движения, стремились показать абсолютную зависимость компартий от Москвы. Сегодня положение меняется, и огромный массив документов дает возможность по-иному взглянуть на события тех лет.

Историография интернациональных связей коммунистического движения Латинской Америки родилась почти одновременно с первыми компартиями, и вряд ли слова венгерского коммуниста и работника Коминтерна И. Комора, писавшего, что «буржуазия пыталась окружить “заговором молчания” Коммунистический Интернационал»¹³, можно в полной мере отнести к его латиноамериканским секциям. Уже в 1920-е – 1930-е гг. появились работы, отражавшие основные направления изучения латиноамериканского коммунистического движения, и были высказаны основные положения, повторяемые с известными модификациями до сих пор. Интерес к исследованию воздействия феномена Коминтерна на левый спектр революционного движения Нового Света не в последнюю очередь был вызван стремлением не допустить роста влияния коммунистов. И не случайно авторами первых работ на эту тему являлись не профессиональные историки, а политики, которые непосредственно участвовали в борьбе на политической арене своих стран и уделяли в своем анализе первостепенное внимание взаимоотношениям коммунистов с Москвой, стремясь доказать «антинациональный» характер компартий, их «иностранный» происхождение. Развитие революционного движения, антиамериканский характер деятельности мексиканского правительства в начале 1920-х гг. объясняли вмешательством «иностранных большевиков» депутат парламента А. Мансанилья (Уго Соль) в книге «Преступный большевизм в Юкатане», вышедшей в 1921 г.¹⁴, и неудачливый соперник

¹³ Комор И. Десять лет Коминтерна. М.; Л., 1929. С. 7.

¹⁴ Переиздание: Коммунизм в Мексике и архив Каррильо Пуэрто // Manzanilla A. El comunismo en México y el archivo de Carrillo Puerto. México, 1955.

социалиста Ф. Каррильо Пуэрто на выборах губернатора штата Юкатан полковник Б. Мена Брито¹⁵. В этих работах, носивших публицистический характер, главным было стремление отождествить коммунистическое движение Мексики с Коминтерном скорее с его аппаратом, автоматически сводя все движение только к интернациональным связям и делая акцент на организационной стороне деятельности международной компартии.

Но уже в 1922 г. появилась работа Р. Саласара «Столкновение глыб (На заре рабочего движения в Мексике)», на долгие годы ставшая настольной книгой исследователей, прежде всего ввиду обширного фактографического материала. Видный деятель профсоюзного движения подробно рассмотрел деятельность «делегатов Ленина», впервые привел достоверную информацию о деятельности Латиноамериканского и Панамериканского бюро III Интернационала, работе Национального социалистического конгресса¹⁶. Несмотря на критические оценки анархо-синдикалистом Саласаром деятельности коммунистов, содержание его книги позволяло в условиях недоступности архивных документов представить вполне достоверную картину истории зарождения КПМ в ходе бурного развития рабочего движения Мексики и достаточно объективно оценить участие в этом процессе эмиссаров III Интернационала, что делало ее полезным источником информации о развитии международных связей мировой компартии в первые годы ее существования.

Национал-реформистское направление историографии в 1930-е гг. было представлено идеологом Американского Народнореволюционного альянса (АПРА), перуанцем В.Р. Айя де ла Торре. В это время Айя отошел от идеи использования Коминтерна в интересах латиноамериканской революции, стремился дистанцироваться от марксистской идеи мировой революции, противопоставляя ей свою концепцию революции континентальной и предлагая апризм в качестве «третьей позиции» между капитализмом и социализмом¹⁷. Мысли основателя АПРА были позднее развиты его соратниками Л.А. Санчесом и А. Баэсой Флоресом, стремившимися продемонстрировать преимущества теоретических постулатов апризма перед марксизмом и показывавшим руководящую роль идеолога АПРА в революционном движении континента. Противопоставляя апризм «догматизму Коминтерна», они указывали на «творческий марксизм» Х.А. Мельи и Х.К. Мариатеги, не обращая внимания на участие этих лидеров революционного левого движения в полемике коммунистов и апристов и жесткую критику ими идейных позиций Айя де ла Торре. Так, Баэса писал: «Два молодых боевых революционных марксиста принадлежат к числу выдающихся мыслителей, революционных лидеров. Оба противостояли Коминтерну и умерли, защищая перед ним латиноамериканскую доктрину – революции о наших проблемах, соответствующие нашим специфическим условиям, а не “решениям”, импортированным из Москвы. “Амаута” умер рано от неизлечимой болезни. Мелья погиб на улицах Мехико жертвой агентов сталинского ГПУ и кубинской тирании Мачадо»¹⁸. Баэса Флорес рассматривает вероятность как данность. Конечно, и у Мельи, и у Мариатеги шансов остаться собой и не оказаться вне коммунистического движения было не так много. Но они действовали в рамках существовавшей в «романтический период» традиции, буквально понимая свое право иметь в рамках демократического централизма свое мнение до принятия решений вышестоящими инстанциями. Другое дело – на практике все зависело не от поведения субъекта, а от интерпретации мотивов его поведения партией и Коминтерном. Действовали не законы и правила, а их восприятие, по сути – принцип «революционной целесообраз-

¹⁵ Mena Brito B. Bolchevismo y democracia en México. S. l., 1927.

¹⁶ Переиздана Национальной издательской комиссией Институционно-Революционной партии: Salazar R. Las pugnas de la gleba (Los albores del movimiento obrero en México). México, 1972.

¹⁷ Haya de la Torre V.R. El Antiimperialismo y el APRA. IV edición. Lima, 1972. Книга написана в 1928 г. как ответ на критику апризма Х.А. Мельей в работе «Что есть АРПА?», но издана впервые только в 1935 г.

¹⁸ Sánchez L.A. Haya de la Torre y el APRA. Santiago de Chile, 1955; Baeza Flores A. Haya de la Torre y la revolución constructiva de las Américas. Buenos Aires, 1962.

ности». И поэтому бразилец О. Брандао, которого объявили символом «интеллектуализма» и «мелкобуржуазного революционаризма», оставался в КПБ и работал в аппарате Коминтерна, а его соотечественник и однопартиец А. Перейра, вполне лояльно относившийся к «генеральной линии», был исключен из нее, в том числе за контакты с Л.К. Престесом, через короткое время после этого принятого в компартию Бразилии и избранного в ИККИ.

Историк имеет право рассуждать в сослагательном наклонении: что было бы, если бы, но не имеет права утверждать: так было. В связи с этим ярлык «мариатегизма», наклеенный на сторонников «Амауты», говорит о высокой вероятности его исключения из партии после ее реорганизации в 1930 г., но только о вероятности. В конце концов и жизнь видного аргентинского коммуниста и сотрудника Коминтерна В. Кодовильи (до сего дня являющегося одним из символов догматического марксизма советского образца) висела на волоске, и он чудом избежал партийных репрессий в 1928 г. вместе с коллегой по руководству КПА Х.Ф. Пенелоном (сторону которого принял в дискуссии с представителем ИККИ Б. Михайловым). В то же время и самого коминтерновского эmissара в Южной Америке вполне могли подвергнуть ostrакизму.

В 1930-е гг. появились работы, откровенно направленные на тотальное вытеснение левого спектра с политической сцены Латинской Америки. Так, взывая к националистическим чувствам аргентинцев, «не знающих деления на классы», автор книги «Коммунизм в Аргентине» К. Сильвейра утверждал, что аргентинская компартия создана иностранцами – «изменниками, изгнанными своими странами», и «аргентинцами-ренегатами», действующими во имя реализации «коммунистической программы разрушения национального наследия аргентинцев»¹⁹. Сильвейра предложил новый жанр исторической литературы: книгу-донос. Эта книга стала одной из идеологических основ, опираясь на которую сенатор М. Санчес Сорондо обосновывал проект антикоммунистического закона, доказывая подрывной, антинациональный характер компартии²⁰. К этому направлению литературы можно также отнести работу бывшего корреспондента ТАСС в США С. Нафта²¹, исключенного из компартии, который ссылался на «иностранное происхождение» латиноамериканского коммунизма и ставил на одну доску коммунистов и фашистов.

Далеки от объективности книги и статьи, на протяжении десятилетий выходившие из-под пера партийных историков. Над «официальными историографами» всегда висел дамоклов меч опасности ошибиться, неправильно расставив идеологические акценты. Лишенные (как и их коллеги, выступавшие с иных методологических позиций) доступа к архивным материалам, они не могли использовать свидетельства участников и очевидцев событий, оказавшихся за бортом международного коммунистического движения. В случаях же, когда такая возможность была, срабатывал «внутренний цензор» или официальная цензура, что не позволяло выйти на свет фактам, персонажам, оценкам, которые могли противоречить канонической трактовке событий. Немногие же историки, допущенные волей партийной иерархии к «святой святых» – архиву Коминтерна, оказывались в трагическом для исследователей тупике: имея в руках документы, требующие изменения оценок, введения новых персонажей (или, если быть абсолютно точными, возвращения старых, исключенных из истории из-за идеологических или конъюнктурных соображений), они были вынуждены прибегать к использованию приема – фигура умолчания, игнорируя ставшую известной им информацию, или интерпретировать документы в угоду официальной традиции.

Наиболее ярким примером такого подхода является изучение истории компартии Кубы. Чем можно объяснить, что правящая партия долгие годы не делала даже попытки создать

¹⁹ Silveyra C. Comunismo en la Argentina. Buenos Aires, 1936.

²⁰ Sánchez Sorondo M. Represión del comunismo. Buenos Aires, 1937.

²¹ Naft S. Fascism and Communism in South America. New York, 1937.

официальную историю своей деятельности? Институт истории коммунистического движения и социалистической революции при ЦК КПК никогда не объявлял о планах подготовки обобщающего труда по истории «первой марксистско-ленинской партии Кубы» (период 1925–1961 гг.), хотя все возможности для этого были, особенно в годы, когда его возглавлял Ф. Гробарт, более 60 лет входивший в партийное руководство, а научными сотрудниками являлись ветераны кубинской компартии Р. Николау и П. Сервиат, люди весьма осведомленные²².

Простое объяснение – недостаток достоверных источников, вызванный многолетними репрессиями и работой партии в условиях глубокого подполья, в данном случае не работает. Существует Национальный архив с правительственными, полицейскими, судебными фондами, в которых должно быть немало документов о коммунистической деятельности. И зачастую документы из этого архива появляются в кубинских публикациях. Есть архив Коминтерна, который был закрыт для многих, но не для исследователей, имевших полномочия от своих партий. Но в многочисленных диссертациях кубинских историков, в том числе и ответственных работников ЦК КПК, посвященных этому периоду, нет ссылок на документы этого архива, хотя в последнее время кубинские историки стали активно работать в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)²³.

Применение такого подхода к изучению деятельности Коминтерна формировало историю без событий, ярких персонажей, сооружало схему противостояния революционного марксизма-ленинизма с оппортунизмом, ревизионизмом, «ликвидаторством», ренегатами различного толка, стремившимися извратить генеральную линию партий и международного коммунистического движения. Историю писали победители в борьбе партийных течений, стремясь подкрепить триумф и диктуя свой вариант исторических событий, чаще всего весьма далекий от истины. В итоге рождалась схематическая трактовка процесса формирования и развития коммунистического движения Латинской Америки, где «стойкие марксисты-ленинцы» боролись с многоголовой гидрой, олицетворявшей извращения коммунистической идеологии, и всегда добивались в этом противостоянии успеха.

Фактологические бреши в историографии стали постепенно заполняться изданиями, увидевшими свет в 1950–1960-е гг. Признав отсутствие достоверных документальных источников ахиллесовой пятой исследований истории коммунистического движения континента, Американец Р. Александер, автор фундаментального труда «Коммунизм в Латинской Америке»²⁴, попытался найти более или менее адекватную замену документальной базе, впервые широко применив метод интервью. И хотя полученная информация позволила ему подойти к разгадкам многих белых пятен истории деятельности Коминтерна в Латинской Америке, искомого результата он не достиг. В его исследовании наличествует очевидное противоречие: считая, что «латиноамериканские коммунисты никогда не были без руководства со стороны Коминтерна», Александер обвинял III Интернационал в отсутствии интереса к Латинской Америке. Подтвердить фактами оба этих противоречащих друг другу постулата американский историк не мог: далеко не все его респонденты были людьми, осведомленными в нюансах святой святыни деятельности Коминтерна – организационных связях. Сведения, полученные в ходе интервью, были отрывочными и не могли отразить полную картину столь сложного явления²⁵.

²² В книге П. Сервиата, изданной к 40-летию КПК, приводит только отдельные сведения об интернациональных связях коммунистов Кубы, но практически отсутствует анализ отношений партии с Коминтерном. См.: Serviat P. 40 años de la undación del Partido Comunista. La Habana, 1965.

²³ Примером успешного использования архивных документов, хранящихся в Москве, можно назвать статью австралийского историка Б. Карра о Кубе, в которой проанализировано влияние КПК на кубинское рабочее движение и подготовку революции 1933 г. – Carr B. From Caribbean Backwater to Revolutionary Opportunity: Cuba's Evolving Relationship With the Comintern, 1925–1934. In International Communism and the Communist International, 1919–1943, Tim Rees and Andrew Thorpe, eds., 234–253. Manchester: Manchester University Press, 1998.

²⁴ Alexander R. Communism in Latin America. New Brunswick, 1957.

²⁵ В последние годы патриарх изучения феномена коммунизма в Латинской Америке работал над новым вариантом своего

Р. Александер являлся автором еще двух фундаментальных работ по истории коммунистического движения Латинской Америки, но в обеих практически не затронул 1920-е гг.²⁶ И если для труда «Троцкизм в Латинской Америке» это объясняется зарождением самого явления только в конце десятилетия, то в издании «Коммунистическая партия Венесуэлы» отсчет времени существования венесуэльской секции Коминтерна начинается в соответствии с марксистской традицией, что совершенно игнорирует исторический путь поколения венесуэльских коммунистов 1920-х гг.

Работы бывшего члена испанской партии ПОУМ В. Альбы, как он отмечал сам, в значительной мере опирались на «собственный опыт» и информацию, собранную «среди участников ряда эпизодов этой истории». Признавая коммунистическое движение в Латинской Америке «продуктом самобытного развития», происходившего «под ослепляющим влиянием русской революции», «революции всеобщего триумфа, победоносной революции», и неспособности существовавших ранее рабочих организаций «добиться хотя бы одной решительной победы», В. Альба объяснял восприимчивость латиноамериканцев к коммунистическим идеям их «романтизмом». Уделяя значительное место деятельности «агентов Коминтерна», он, по сути, лишь некритически воспроизводил информацию Э. Равинеса. Рассказывая о подлинных событиях, В. Альба нередко основывался на недостоверных источниках и, не имея возможности перепроверить их документами, перемещал их участников во времени и пространстве, искажая тем самым суть. Возможно, это делалось не намеренно, но подобные передержки легли в основу концепции о деятельности агентов, направленных Москвой, в то время как в реальной жизни все было несколько иначе. Мексиканский коммунист индийского происхождения М.Н. Рой никогда не возвращался по указанию председателя Коминтерна Г. Зиновьева в Новый Свет, и, следовательно, не создавал на Кубе и в Центральной Америке «группы симпатизантов», а Сен Катаяма до назначения руководителем Панамериканского бюро не ездил в Москву, а был избран для этой роли заочно. И не мог Катаяма избрать аргентинца Кодовилью в тот момент своим доверенным лицом, потому что впервые встретился с ним в Москве, когда японский коммунист делами Латинской Америки не занимался. И уж, конечно, не Август Гуральский, впервые попавший в Латинскую Америку в 1930 г., был создателем Бюро Коминтерна в Буэнос-Айресе²⁷.

Тема деятельности агентов III Интернационала – центральная в книгах мексиканцев Р. Тревиньо, Р. Гарсия Тревиньо и доминиканца Л. Сильвы²⁸. Один из лидеров Мексиканской Региональной Рабочей конфедерации (КРОМ) Р. Тревиньо практически всех известных ему иностранных радикалов, проживавших в Мексике, объявил «агентами Москвы» в книге под кричащим названием «Шпионаж и эволюция принципов рабочего движения в Мексике». Примером передержек и преувеличений, присущих его работе, может служить образ «роковой женщины» – «Наташи Михайловны»²⁹ – «специалиста по коммунистическому разложению интеллигенции и политиков». Тревиньо, выдвинув тезис о замене европейских агентов латиноамериканцами в самом начале 1920-х гг., во-первых, не подтвердив его реальными фактами, во-вторых, не заметив противоречия с собственной концепцией европейского происхождения коммунистического движения в Мексике. Р. Гарсия Тревиньо, обильно цитируя книгу Р. Саласара, игнорировал тем не менее его выводы о создании МКП в результате «естественного раз-

исследования, однако не успел завершить его.

²⁶ Alexander R.J. Trotskyism in Latin America. Stanford: Hoover Institution Press, 1973; Alexander R.J. The Communist Party of Venezuela. Stanford, 1969.

²⁷ Alba V. Historia del movimiento obrero en América Latina. México, 1964; Alba V. Politics and Labor Movement in Latin America. Stanford, 1968.

²⁸ Trevino R. El espionaje comunista y la evolución doctrinaria del movimiento obrero en México. México, 1952.

²⁹ В реальной жизни – жена Ч. Филлипса Наталья Александровна Михайлова. См. подробнее: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Чарльз Филлипс – мексиканский коммунист: роль компартии США в развитии мексиканского левого движения в 1920-е гг. // Исследования международных отношений: Сб. статей. СПб., 2004. С. 38–55.

вития социальной и политической деятельности», утверждая, что «рабочий класс отвергал коммунизм»³⁰.

Основная идея трухильиста Л. Сильвы в книге «Красная рана Америки» состояла в том, что «политические агенты-советники» установили строгий контроль над компартиями, «появившимися стихийно». Желая дать своему «исследованию» основательность ссылками на Пия XI, М. Джиласа и Э. Равинеса, страницами переписывая без указания источника работы В. Альбы, Сильва «направил» в Латинскую Америку «как авангард будущего советского господства двух азиатских коммунистических руководителей с большим влиянием в сферах Коминтерна» (Роя и Катаяму, «организатора НКВД в Америке»); вывел на страницах своей книги мифических личностей, например «североамериканца Джимми, организовавшего компартии на Кубе, в Мексике, Центральной Америке, Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Парагвае», не замечая, что в этом случае другим «агентам» больше и делать было нечего³¹.

Т. Дрейпер, один из ведущих партийных историков КП США, после выхода из партии продолжил свои исследования уже с позиций резкой критики ее курса, в особенности в сфере международных связей. Ему удалось составить достаточно подробный перечень латиноамериканских миссий американцев – «агентов Коминтерна»: Л. Фрайна, М. Коэн, Ч. Филлипс, Б.Д. Вольф, Дж. Ловстон, Дж. Джонстон, Д. Зак. Дрейпер объявил В. Видали организатором убийства Троцкого, не приведя ни малейших доказательств в пользу своего обвинения³². Ему удалось подробно проанализировать работу Амстердамской коммунистической конференции и миссию М. Бородин в Новом Свете³³.

Экс-генеральный секретарь КП Уругвая и экс-член ИККИ Э. Гомес после исключения из партии создал свою версию ее истории, которая подтвердила его культ личности и практически полностью игнорировала интернациональную составляющую ее деятельности, имевшую для уругвайской секции Коминтерна особое значение (основание партии при прямом участии делегатов ИСПА, пребывание в Монтевидео Южноамериканского бюро ИККИ и т. д.)³⁴.

Значительное внимание изучению историй отдельных латиноамериканских компартий уделяют американские историки. Профессор Техасского университета К. Шмитт, указывая на усиление борьбы рабочих масс и идейное размежевание в рабочем движении Мексики как на предпосылку создания КПМ, само образование партии рассматривал исключительно как результат деятельности американских социалистов и М.Н. Роя, «благословлённых русским агентом Бородиным»³⁵.

Д. Доновану образование компартии Мексики представлялось результатом борьбы в небольшой Социалистической партии между М.Н. Роем и Л. Гэйлом, приведшей к исключению американца и переименованию партии³⁶. За пределами его исследования остался Национальный социалистический конгресс, одним из результатов которого стало образование двух ориентированных на III Интернационал партий – Л. Гэйла, а также М.Н. Роя – Ч. Филлипса – Х. Аллена.

Д. Херман с критических позиций рассматривал сложившуюся в немарксистской историографии схему отношений III Интернационала с коммунистами Мексики в начальный период активности. Он расценивал случай Роя, который «не был послан в страну в качестве агента международной коммунистической организации», как «пример оппортунизма первых лет, когда Коминтерн, не обладавший эффективным аппаратом, вербовал симпатизирующих

³⁰ Garcia Trevino R. La ingerencia rusa en México y Sudamérica. Pruebas y testimonios. México, 1959.

³¹ Silva R. La herida roja de América. Tomo 1. Ciudad Trujillo, 1959.

³² Draper Th. American Communism and Soviet Russia. The formative period. New York, 1960.

³³ Draper Th. The Roots of American Communism. New York, 1957.

³⁴ Historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el a-o 1951). Montevideo, 1961.

³⁵ Schmitt K.M. Communism in Mexico. Austin, 1965.

³⁶ Donovan J. The Red Machete. Communist infiltration in the Americas. New York, 1962.

ему лиц, поддерживая деятельность тех, кого он полагал полезным, – даже индийский национализм и оппозицию британцам»³⁷. Несмотря на стремление автора быть точным в отображении событий, его книга не лишена ошибок, например он путал Мексиканскую коммунистическую партию с Коммунистической федерацией мексиканского пролетариата, считая, что эта организация была официально признана секцией Коминтерна в 1922 г. (!)

Х. Креспо Тораль, «обеспокоенный большевистским проникновением в Эквадор», предупреждал «общество, считающее опасность исчезающей, поскольку оно ничего не хочет знать о ней». Эквадорский фалангист обвинял либералов, позволивших себе увлечься впечатлениями от победы русской революции, в покровительстве теориям и практике марксистов, а Коминтерн – в «прямом вмешательстве в ситуации, когда [коммунистические] ячейки были еще слишком аморфными для образования политической реальности в виде партии». По его мнению, «дипломат дружественной страны Р. Рамос Педруэса» выполнил функции по объединению левых интеллектуалов Кито по прямому указанию III Интернационала. Креспо Тораль, очевидно, полагал, что и правительство Мексики выполняло волю Москвы, направляя его на работу в Эквадор³⁸.

Профессор Калифорнийского университета Р. Чилкот, выступая с позиций «позитивного антикоммунизма», признавал влияние Октябрьской революции на процесс проникновения марксистских идей в рабочее движение Бразилии и тот факт, что «Ленин и революция дали могучий толчок радикальной мысли»; он показывает формирование КПБ как процесс объединения марксистских групп при поддержке Бюро коммунистической пропаганды, компартий Аргентины и Уругвая, подчеркивая при этом «абсолютное подчинение партии Москве»³⁹.

Сверхзадачей мексиканских исследователей М. Маркеса Фуэнтеса и О. Родригеса Араухо было выяснение причин раскола, «измельчания» левых сил Мексики. Основные выводы авторов, близких по взглядам к «новым левым», не отличались оригинальностью: искусственное происхождение компартии в стране, где не было условий для ее возникновения, экономическая и идеологическая зависимость от Коминтерна, которая вела к неэффективности всех усилий партии «из-за отсутствия инициативы, политического видения и теоретической подготовки руководителей и кадров»⁴⁰. При этом они отошли от концепций своих предшественников, отмечая, что иностранцы «фактически и по праву руководили партией в первые годы ее существования», и показывая особенности стратегии и тактики КПМ, в значительной мере расходившиеся с установками Коминтерна.

Для Р. Пуигтроса, исключенного из КП Аргентины за поддержку «национального социализма» Х.Д. Перона, «коммунизм не более чем простое отражение иностранных директив и инструкций, а его руководители не годились на большее, чем повторять и выполнять распоряжения Москвы». Власть в аргентинской партии, по его оценке, принадлежала людям, которые были в СССР, участвовали в конгрессах Коминтерна. Но визит в Москву не был бесспорным «ярлыком» на правление: и Х. Греко, и Х. Пенелон рано или поздно оказались за бортом руководства, русские эмигранты М. Александровский и М. Машевич не были допущены к кормилу власти в партии, а Гиольди утверждение на ее вершине далось очень нелегко. Считая кризис 1927 г. проявлением «конкуренции в руководстве между Кодовильей – Гиольди и Пенелоном», «жалкой игрой интриг и низких маневров для сохранения, через посредство контактов с Москвой, власти в партии», Пуигтрос, долгое время находившийся вблизи от этой власти, упростил ситуацию, не воспроизведя первоначальные мотивы поступков Р. Гиольди и В. Кодовильи, сражавшихся в начале конфликта по разные стороны баррикад. Восприятие

³⁷ Herman D. The Comintern in Mexico. Washington: D.C., 1974.

³⁸ Crespo Toral J. El Comunismo en el Ecuador. Quito, 1958.

³⁹ Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. New York, 1974.

⁴⁰ MJrquez Fuentes M., Rodríguez Araujo O. El Partido Comunista Mexicano (en el período de la Internacional Comunista. 1919–1943). México, 1973.

Пуиггросом руководства КПА как «абсолютно сервильного» по отношению к Коминтерну, не имеющего своего лица, не отражает реалий аргентинского коммунистического движения 1920-х гг., обладавшего в этот период значительной автономией в рамках всемирной компартии и отстаивавшего право на собственную позицию⁴¹.

Аргентинский троцкист Х.А. Рамос утверждал, что «подлинным столпом, подпиравшим КПА, были иммигранты, происходившие из Восточной Европы, не интересовавшиеся аргентинскими проблемами», и это превратило историю ее первого десятилетия в «лучшее доказательство ремесленнического, мелкобуржуазного, славянофильского характера коммунистической партии»⁴². В его концепцию не вписывалось противостояние значительной части русской революционной эмиграции и руководства КПА в начале 1920-х гг., и поэтому он просто проигнорировал этот важный сюжет партийной истории. Критикуя «сталиниста-антикодовильиста» Пуиггроса, Рамос полностью воспроизводит его оценки характера отношений КПА и Коминтерна.

Масштабное исследование истории рабочего движения страны создал лидер боливийских троцкистов Г. Лора, показав в том числе подробности консолидации коммунистических групп и отмечая, что этот процесс был инициирован Южноамериканским Секретариатом Коминтерна в 1928 г.⁴³ При этом Г. Лора однозначно оценивает характер отношений латиноамериканских компартий с III Интернационалом как реализацию «большевистской организационной традиции, унаследованной сталинизмом, а не сторонниками Троцкого», отмечая стремление «к всеобщей бюрократизации, преобладавшей в Коминтерне», обвиняя представителя ИККИ на Первой конференции компартий Латинской Америки в «демонстрации холодного превосходства главного оратора, выступавшего в тоне, присущем учителю перед новообращенными», что вряд ли соответствовало характеру швейцарца Ж. Эмбер-Дро, который был эмиссаром Москвы на этом мероприятии.

Значительный вклад в исследование характера, форм и методов интернациональных связей Коминтерна и его латиноамериканских секций внесли западногерманский ученый Б. Гольденберг⁴⁴ и бывший английский дипломат и историк С. Клиссольд⁴⁵, попытавшиеся изучить проблему с объективистских позиций. Гольденберг впервые подверг обоснованной критике «официальные» версии датировки основания компартий. Правда, и ему не удалось установить точные даты создания некоторых партий. Опираясь на более широкий, чем у его предшественников круг источников, немецкий ученый сумел показать отдельные формы и методы взаимодействия латиноамериканского коммунистического движения и Коминтерна, но и ему по объективной причине (отсутствие доступа к архивным документам) не удалось создать полной картины формирования и эволюции интернациональных связей. С. Клиссольд впервые опубликовал ряд документов коммунистического движения, сделавшие его книги важным для того времени источником анализа взаимоотношений латиноамериканских компартий и Коминтерна.

Указанная проблема – одна из серьезнейших для марксистской историографии. Очевидно, что даты создания ряда компартий, как и список их основателей, подверглись за долгие годы серьезной ревизии (отражая интересы группировок, одержавших победу во внутрипартийной борьбе) или не опирались на достоверные источники из-за тяжелых условий существования партий (подполье, репрессии, в некоторых случаях приводившие к уничтожению руководителей, обладавших информацией; отсутствие архивов). Поэтому и упрек бывшего

⁴¹ Puiggrós R. Historia crítica de los partidos políticos argentinos. Buenos Aires, 1956.

⁴² Ramos J.A. El Partido Comunista en la política Argentina. Su historia y su crítica. Buenos Aires, 1962.

⁴³ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1923–1933. II parte. La Paz-Cochabamba, 1970.

⁴⁴ Goldenberg B. Kommunismus in Lateinamerika. Stuttgart; Berlin; Ks In; Mainz, 1971.

⁴⁵ Clissold S. (ed.) Soviet Relations with Latin America. A Documentary Survey. L.; N.-Y.; Toronto, 1970; The Soviet Union and Latin America. N.-Y., 1970.

сотрудника Госдепартамента США, профессора Калифорнийского университета Р. Поппино, обвинявшего компартии в «нежелании писать собственную историю», с одной стороны, имеет весомые основания, так как в этой истории были «неудобные» эпизоды, с другой же стороны, эти обвинения игнорируют объективные обстоятельства, не позволявшие ряду партий всерьез заняться воссозданием собственной истории⁴⁶.

Для многих работ 1960-х – 1970-х гг. характерно преувеличение значения деятельности «агентов Коминтерна». Было бы наивным сегодня отрицать наличие этого фактора в функционировании международной коммунистической партии. Речь о другом: необоснованная документально, такая точка зрения выглядит как стремление подогнать факты под концепцию, практически не видоизменявшуюся с 1920-х гг. Так, например, исследователь Джорджтаунского университета Л. Агилар утверждал, что лидеры кубинской компартии Х.А. Мелья и Р. Мартинес Вильена «не знали основных положений марксизма», а теоретической деятельностью партии руководил иностранец Гробарт, игравший «важную и неясную (!) роль». Он бросил КПК, «небольшой партии, все члены которой могли обратиться в одной комнате», не соответствующее истине обвинение в том, что, слепо следуя стратегии борьбы Коминтерна, она с 1927 г. отказалась сотрудничать с другими революционными группами», совершенно игнорируя повстанческие планы Х.А. Мелья 1927–1929 гг.⁴⁷ Такая же тенденция характерна и для изданной в 1970 г. в Майами работы А. Авила и Х. Гарсия Монтеса, до сих пор остающейся единственной работой, претендующей на освещение всей истории КП Кубы⁴⁸.

Серьезную попытку показать динамику истории международного коммунистического движения через биографии ее лидеров предприняли Б. Лазич и М. Драшкович, югославские эмигранты, жившие в США, в «Биографическом словаре Коминтерна», изданном Гуверовским институтом⁴⁹. На долгие годы справочник стал незаменимым источником для исследователей всего мира. Однако ограниченность их возможностей недоступностью архивных документов привела к значительным фактическим ошибкам в биографиях лиц, участвовавших в деятельности латиноамериканских компартий, или работников высших инстанций Коминтерна, курировавших их в Москве. Особенно это касается первоначального периода деятельности компартий. Да и удельный вес биографий латиноамериканских коммунистов в словаре Лазича и Драшковича был ничтожно мал⁵⁰.

В книгах венесуэльского историка М. Кабальеро сделана серьезная заявка на демонстрацию взаимоотношений Коминтерна и компартий Латинской Америки⁵¹. Тщательно проанализировав доступные ему источники, автор значительно расширил круг лиц, участвовавших в деятельности организации на континенте, осветил работу некоторых структур III Интернационала, курировавших латиноамериканские проблемы, но этот анализ не стал систематическим и не позволяет судить обо всем механизме функционирования Коминтерна в Латинской

⁴⁶ Poppino R. International communism in Latin America. A History of the movement. 1917–1963. University of California, 1964.

⁴⁷ Aguilar L.E. Cuba 1933, prologue to revolution. Ithaca; London, 1972. Сегодня, имея обширный массив документов, можно судить о роли Ф. Гробарта, как и многих других иностранных коммунистов, и увидеть, что при жизни упомянутых вождей КПК он не занимал в партии лидирующих позиций и не был «агентом Коминтерна», специально направленным на Кубу для того, чтобы курировать деятельность местной компартии, а добился своего положения, пройдя путь от рядового функционера до одного из высших руководителей.

⁴⁸ Avila A., Garc'a Montes J. Historia del Partido Comunista de Cuba. Miami, 1970. Изданный в Гаване трехтомник А. Рохаса Блакиера охватывает только историю КПК от создания до кастровской революции.

⁴⁹ Lazitch B., Drachkovitch M. Biographical Dictionary of the Comintern. Stanford, 1973.

⁵⁰ Другая книга этих авторов почти не затрагивает латиноамериканские сюжеты, но для нашего анализа важно предисловие к ней одного из ведущих исследователей Гуверовского института Б.Д. Вольфа. Обвиняя Коминтерн во «вмешательстве, контроле», Вольф не считал возможным вспомнить, как с трибуны V конгресса Коминтерна именно он требовал от руководства Коминтерна «усиления внимания» к национальным секциям в Латинской Америке, считая, что ИККИ недостаточно контролирует их деятельность. Lazitch B., Drachkovitch M. Lenin and the Comintern. Vol. 1. Stanford, 1972.

⁵¹ Caballero M. La Internacional Comunista y América Latina. Caracas, 1987; Caballero M. Entre G-me y Stalin (la sección venezolana de la Internacional Comunista). Caracas, 1989.

Америке. Кабальеро допустил и ряд фактических ошибок, например, назвав Ч. Филлипса (Х. Рамиреса) делегатом Мексики на III конгрессе Коминтерна, в то время как таковым являлся М. Диас Рамирес, что выяснено в ранее опубликованных работах⁵². Автор отнес начало работы Секретариата латинских стран ИККИ к концу 1922 г., хотя данная структура начала действовать по крайней мере за полгода до того. М. Кабальеро также необоснованно поставил под сомнение задолго до того установленный факт работы Катаямы в Мексике в качестве представителя Панамериканского бюро. Следует отметить серьезный недостаток исследований на Западе – их авторы практически игнорировали и продолжают это делать и в настоящее время (или по идеологическим соображениям, или из-за незнания русского языка) работы советских (российских) ученых, чем лишают себя возможности ввести в научный оборот факты и оценки известных специалистов. В то же время для отечественных историков оценка работы предшественников была и остается обязательной. И хотя в прошлом это была зачастую «критика буржуазных фальсификаций», сам анализ позволял судить об основном содержании работ западных ученых.

Уже первый опыт оценки характера отношений Коминтерна с его латиноамериканскими секциями самими коммунистами показал, что в международной компартии крайне негативно расцениваются попытки раскрыть механизм функционирования III Интернационала. После издания бразильским делегатом IV конгресса Коминтерна А.Б. Канелласом «Отчета делегации в Россию»⁵³, в котором подробно излагалось обсуждение вопроса о приеме компартии Бразилии в качестве национальной секции, ЦИК КПБ исключил его из партии, обвинив в несанкционированной публикации книги.

И если в 1920-е гг. еще появлялись работы, в которых эта сторона деятельности III Интернационала хоть как-то затрагивалась⁵⁴, то с начала 1930-х гг. практически все попытки анализа функционирования всемирной компартии сводились к оценкам идейной борьбы с врагами коммунистической идеологии, оппортунистами и ренегатами. Из документов Коминтерна и партий в литературу были перенесены сектантские оценки видных деятелей коммунистического движения («рекабарренизм», «пенелонизм», «престизм», «мариатегизм»). Характерным стало замалчивание или неверная трактовка роли многих основателей и лидеров компартий⁵⁵. Однако именно в данный период были предприняты первые попытки проанализировать развитие революционного движения континента. Эта работа в значительной мере послужила основой для послевоенных исследований советских латиноамериканистов⁵⁶.

⁵² Правда, в некоторых советских исследованиях эта же ошибка делалась по отношению к М. Диасу Рамиресу, объявляемому делегатом II конгресса Коминтерна, которым на самом деле был Ч. Филлипс.

⁵³ Canellas A.B. Relatorio de Delegacia a Russia. Rio de Janeiro, 1923.

⁵⁴ Первые работы историков-марксистов были написаны по горячим следам событий и не являлись глубокими исследованиями. Но в них приводились факты, которые потом долгое время не использовались советскими историками, анализировались интересные документы Коминтерна и Профинтерна. Так, например, Г. Дашевский (Г. Донский) рассказал о роли М.Н. Роя в создании КПМ, а С. Пестковский (А. Вольский) осветил деятельность Ф. Каррильо Пуэрто в Латиноамериканском бюро III Интернационала // Донский Г. Борьба за Латинскую Америку. М.; Л., 1928; он же. Мексика, Куба, Аргентина. М., 1929; Вольский А. История мексиканских революций. М.; Л., 1928. Но некоторые авторы, имевшие непосредственное отношение к деятельности Коминтерна в Латинской Америке, например делегат ИККИ в Аргентине Ф. Вайль, уже в начале 1920-х гг. тщательно обходили интернациональную составляющую деятельности компартий. Weil F. Die Arbeiterbewegung in Argentinien. Leipzig, 1923.

⁵⁵ Хотя еще в 1931 г. С.И. Севин отмечал выдающуюся роль Х.К. Мариатеги («видного марксиста», пользовавшегося «в стране большим авторитетом») в создании компартии Перу. Признание роли «Амауты» можно увидеть и в недостаточно последовательных оценках В. Мирошевского, подвергнутых в 1940-е – 1950-е гг. критике латиноамериканскими коммунистами и советскими латиноамериканистами.

⁵⁶ См.: Ревзин Г. Аргентина. М., 1937; Лурье А. Герой бразильского народа (Луис Карлос Престес). М., 1939; Севин С.И. Южная Америка. М., 1939; он же. Мексика. М., 1931; Генрих Я-н (Якобсон Г.). Революционный подъем и рабочее движение в странах Латинской Америки в первые послевоенные годы // Историк-марксист. 1932. № 4–5; Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934; Мирошевский В. «Народничество в Перу». К вопросу о роли Х.-К. Мариатеги в истории латиноамериканской общественной мысли // Историк-марксист. 1941. № 6. См. также статьи А. Гуральского (А. Гур-ий) и Г.В. Скалова (Г. Синани) в журнале «Коммунистический Интернационал».

Такая тенденция, хотя и в разной мере, отразилась на работе по изучению истории коммунистического движения, которую начали проводить с конца 1940-х гг. некоторые латиноамериканские партии, создавшие исследовательские группы с участием руководителей и ветеранов партий⁵⁷. Уделяя значительное внимание влиянию большевистской революции, интернациональной солидарности, отмечая важную роль Коминтерна в формировании компартий, авторы этих работ оставили за пределами своих исследований характер взаимоотношений латиноамериканских секций III Интернационала с Москвой, даже не пытались показать механизм взаимодействия латиноамериканского коммунистического движения и всемирной партии коммунистов. Из истории исчезли имена людей, в 1920-е гг. олицетворявших коммунистическое движение, или же им были даны оценки как ренегатам и предателям дела мирового пролетариата.

В некоторых случаях давались односторонние характеристики роли руководящих органов и отдельных работников Коминтерна. Так, в очерке «Тридцать лет борьбы Коммунистической партии Колумбии», в «Отчете о вражеской деятельности Оскара Крейдта», подготовленном Национальным комитетом защиты и реорганизации Парагвайской компартии, в книге члена Политкомиссии ПКП У. Кампоса «Панорама Парагвая» отмечались «догматические тенденции» в работе Южноамериканского секретариата⁵⁸. Парагвайские коммунисты, не имея возможности восстановить историю своей партии по собственным архивам, которых они просто не могли иметь из-за того, что ПКП несколько раз подвергалась разгрому, десятки лет работала в подполье, была вынуждена обратиться к архивам Коминтерна, чтобы попытаться восстановить подлинную историю. Однако анализировались архивные документы в духе того времени, и выводы не во всем были объективными (в первую очередь это касалось оценки деятельности репрессированных в 1930-е гг. работников Коминтерна). В поисках исторической истины партийные историки ПКП совершенно справедливо расценивали как фальсификацию стремление О. Крейдта представить дело так, будто партия возникла в результате его действий в 1933 г.⁵⁹ Но тенденция не замечать предыдущие этапы деятельности и тем самым вольно или невольно извращать историю характерна и для партийных исследователей, которых трудно причислить к категории «ренегатов», описывавших зарождение коммунистического движения в ряде других стран.

Данная схема в целом характерна для «официальных партийных историй» и начала формироваться еще в 1940-е гг., когда была предпринята первая попытка создания истории аргентинской компартии. Первостепенной причиной такого подхода было участие в создании партийной истории людей, принадлежавших к фракциям или группам, одержавшим победу в межпартийной борьбе (В. Кодовильи и Р. Гиольди). Подготовленный комиссией ЦК КПА «Очерк истории Коммунистической партии Аргентины» игнорировал деятельность ЮАСКИ, функционировавшего на базе КПА, и возглавлявшего его Х. Пенелона, что сделало эту работу практически бесполезной для изучения развития международных связей партии. Конечно, это было обусловлено и временем выхода очерков (1947), и личной незаинтересованностью Кодовильи и Р. Гиольди в создании правдивой версии партийной истории⁶⁰. Но и почти через сорок

⁵⁷ См., например: *Esbozo de historia del Partido Comunista de la Argentina*. Buenos Aires, 1948; *Partido Vanguardia Popular. Breve esbozo de su historia*. San José, 1971; Amaya Amador R. *Décimo aniversario del Partido Comunista de Honduras*. Praga, 1964.

⁵⁸ *Treinta años de lucha del Partido Comunista de Colombia*. Bogotá, 1960; *Relatorio sobre la actividad enemiga de Oscar Kreydt*. S. l., 1967; Campos H. *Panorama del Paraguay*. S. l., 1970.

⁵⁹ Парагвайской компартии – 60 лет // *Проблемы мира и социализма*. 1988. № 2. С. 92.

⁶⁰ «Патриархи» аргентинской компартии тщательно хранили тайны до конца своей жизни. Одному из авторов монографии удалось в свое время передать через Л. Чекини вопросы о международной деятельности КПА Р. Гиольди, и он сообщил старому товарищу, что отослал подробные ответы. Письмо от Гиольди до Ленинграда так и не дошло (возможно, не без помощи работников Международного отдела ЦК КПСС, через которых он наверняка его отправлял). Немногим больше повезло бразильскому партийному историку, представителю КПБ в ГДР Д. Канале. Хотя ему удалось добиться от основателя КПА ответов на вопросы об его отношениях с бразильской компартией, но информация была близка к нулевой: Р. Гиольди сообщил

лет в монографии Э. Корбье «Истоки аргентинского коммунизма» почти не рассматриваются контакты аргентинских коммунистов с Коминтерном⁶¹.

Попытку отойти от сложившейся схемы, найти баланс между догмами и новыми подходами предпринял У.З. Фостер. С одной стороны, лидер компартии США в привычном духе проанализировал пути формирования компартий и развитие их борьбы против «анти-марксистских течений», с другой, отметил выдающуюся роль Л.Э. Рекаберрена, Х.К. Мариа-теги в основании КПЧ и КПП, что было в то время смелым отступлением от сложившейся в коммунистическом движении трактовать их деятельность как оппортунистическую, рассказал о сотрудничестве коммунистов США и Латинской Америки в антиимпериалистической борьбе⁶².

В изданной незадолго до его смерти книге «Формирование КПБ» А. Перейра предал гласности некоторые эпизоды международных связей бразильских коммунистов в 1920-е гг., в том числе упомянул контакты с компартией Уругвая, Бюро коммунистической пропаганды, факты оказанной ими помощи в объединении марксистских групп Бразилии, о поездках делегатов КПБ в Москву⁶³. При этом один из основателей партии не решился или не считал нужным раскрыть детали этих контактов, назвать имена, например, М. Александровского, который был ментором первого генерального секретаря КПБ А. де Некете во время поездки последнего в Монтевидео.

Исследуя истоки коммунистического движения в Чили, Э. Рамирес Некоча указал на связь КПЧ с момента своего основания с международным коммунистическим движением, «означавшую выражение революционной воли наиболее передовых чилийских трудящихся». Одним из важнейших выводов Рамиреса Некоча являлась мысль о том, что партия, верная марксистским принципам, пользуясь поддержкой Коминтерна, его Южноамериканского секретариата и братских партий, сумела отразить в своей деятельности и программных документах «социально-экономические и политические условия Чили и Латинской Америки», выразить свой национальный характер⁶⁴. Историк-коммунист оценил вхождение КПЧ в Коминтерн как в высшей степени позитивное. При этом он дал аргументированные объяснения предоставления КПЧ статуса полноправной секции международной компартии только в 1928 г., «когда партия вступила в решительный этап большевизации», несмотря на прием в качестве «симпатизирующей» еще в 1922 г., что само по себе свидетельствовало о сложностях во взаимоотношениях между ИККИ и чилийской партией⁶⁵.

Признавая роль предшественников в революционном движении 1920-х гг., бывший генеральный секретарь КПВ Х.Б. Фуэнмайор все-таки начал отсчет времени формирования партии с деятельности «поколения 28 года», к которому принадлежит и сам⁶⁶. Тенденция не замечать деятельность Г. Мачадо, С. де ла Пласы и др. в Венесуэльской Революционной партии, которая осуществлялась в прямом контакте с Коминтерном и КПМ и которую невозможно расценивать иначе как коммунистическую, характерна для большинства работ по истории КПВ. И коммунист Ф. Кий Санчес, и критик коммунизма Р. Александер предпочитали рассматривать исторический путь партии с 1931 г. – времени начала деятельности в стране «первой ячейки

сведения, известные из литературы. См.: Письмо Л. Чекини Л.С. Хейфецу. Москва, 1.6.1978 // Личный архив Л.С. Хейфеца; Письмо Р. Гиольди Д. Канале. Буэнос-Айрес, май 1983 г. // Личный архив Ю. Мотеса.

⁶¹ Esbozo de historia.; Corbière E.J. Orígenes del comunismo argentino (El Partido Socialista Internacional). Buenos Aires, 1984. Сейчас активную работу по исследованию отношений КПА с Коминтерном ведут Э. Камареро, Д. Кампионе и В.А. Пьемонте.

⁶² Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1955; он же. История трех Интернационалов. М., 1959; Foster W.Z. History of the Communist Party of United States. New York, 1952.

⁶³ Pereira A. Formação do PCB. 1922/1928. Notas e documentos. Rio de Janeiro, 1962.

⁶⁴ Ramirez Necocha H. Orígenes y formación del Partido Comunista de Chile (Ensayo de Historia del Partido). Santiago, 1965.

⁶⁵ Следует отметить, что документы о приеме КПЧ в Коминтерн в 1928 г. в архиве до сих пор не обнаружены.

⁶⁶ Fuenmayor J.B. 1928–1948. Veinte años de política. Caracas, 1968.

КПВ»⁶⁷. И только анонимные авторы брошюры, изданной комитетом КПВ Маракайбо, превратили этот важный эпизод венесуэльской истории в оружие внутрипартийной борьбы, обрушив на основателей ВРП (и КПВ!) Г. Мачадо и С. де ла Пласу обвинения в стремлении внедрить «мелкобуржуазные критерии оценок движущих сил буржуазно-демократической революции и роли рабочего класса и его партии в колониальных и полуколониальных странах», «каудильизме», организации «авантюры на Кюрасао, вопреки справедливым советам III Интернационала»⁶⁸.

Лидеры компартий считали своим долгом отметить влияние III Интернационала на коммунистическое движение Латинской Америки. Выдающуюся роль Коминтерна в «интернационализации большевизма», «революционном укреплении компартий, а также распространении их влияния в массах» отмечал аргентинец Р. Гиольди⁶⁹, подчеркивавший важность международной солидарности, обмена мнениями и обобщения опыта мирового рабочего и коммунистического движения, не терявшие свою значимость, а только менявшие формы⁷⁰.

О высокой исторической миссии Коминтерна писал кубинец Б. Рока, подчеркивая, что «рабочие всего мира обязаны ему самыми действенными уроками в отношении вопросов стратегии, тактики и методов организации национальной и всемирной борьбы против фашизма и империализма»⁷¹. Историческую заслугу Коминтерна в содействии теоретическому, политическому и организационному строительству коммунистических партий, подготовке и закалке партийных кадров отмечали первый секретарь ЦК КПУ Р. Арисменди и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев⁷².

Историки, не имевшие собственного опыта партийной работы в те годы, придерживались общепринятой в коммунистическом движении точки зрения, тем более что опровергнуть её было невозможно из-за отсутствия доступа к документам. Как справедливо отмечал М. Кабальеро, коммунисты постоянно находились между Сциллой и Харибдой гордости за принадлежность своих партий к единственной мировой партии с центром в Москве и боязни признать присутствие за действиями компартий внутри страны «руки Москвы»⁷³. Разоблачение «измышлений» и «гнусных фальсификаций воинствующих антикоммунистов, утверждавших, что Коминтерн вмешивался в дела компартий Латинской Америки, что международное коммунистическое движение, в том числе и в странах Латинской Америки, управляется из Москвы», стало традицией марксистской историографии⁷⁴. Было невозможно даже пытаться анализировать международную составляющую функционирования любой компартии, находящейся в подполье или действовавшей легально, т. к. это автоматически привело бы к обвинениям в подрывном характере ее деятельности, инспирированной извне. Такое лавирование означало, по сути, отказ от главного принципа, положенного в основу самого существования всемирной компартии, – международной партийной дисциплины, предусматривавшей и получение директив из центра, и обязанность исполнять эти директивы, и определенные организационные и финансовые отношения между штаб-квартирой III Интернационала и его секциями.

⁶⁷ Alexander R.J. The Communist Party of Venezuela. Stanford, 1969; Key Sanchez F. Primera célula comunista en Venezuela, marzo 5 1931 (edición preliminar). Caracas, 1971; Key Sanchez F. undación del Partido Comunista de Venezuela. 2a Edición Ampliada. Caracas, 1982.

⁶⁸ Aportes a la historia del P.C.V. (Biblioteca de Documentos Políticos). Maracaibo, 1971.

⁶⁹ Гиольди Р. Сила ленинской аргументации // Проблемы мира и социализма. 1969. № 7.

⁷⁰ Он же. Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Аргентине. М., 1957; он же. Годовщина Коммунистического Интернационала // Гиольди Р. Избранные статьи и речи. М., 1974.

⁷¹ Рока Б. Основы социализма на Кубе. М., 1961. Впервые опубликована в 1943 г.

⁷² Коммунисты в борьбе за демократическое единство. Прага, 1975; Коминтерн и его революционные традиции. М., 1969; Пономарев Б.Н. Славная годовщина в истории коммунистического движения. К 50-летию основания Коммунистического Интернационала // Проблемы мира и социализма. 1969. № 2.

⁷³ Caballero M. La Internacional Comunista y la revolución latinoamericana. 1919-1943. Caracas, 1987. P. 26.

⁷⁴ Михайлидис Н.А. Идеология и политика антикоммунизма в Латинской Америке. Минск, 1975. С. 75–76.

Попытки оспорить утверждения о единстве действий компартий, строящемся на «приказах из Москвы», на строжайшем исполнении указаний «находящегося в руках Москвы Коминтерна», приводили или к голословному отрицанию такой взаимосвязи, или к невольному подтверждению тезиса, подвергавшегося критике. Яркий пример последнего показала книга заведующего международным отделом ЦК Венгерской Социалистической Рабочей партии Ф. Пуйя «Единство и дискуссия в международном коммунистическом движении». Утверждая наличие права отдельных отрядов коммунистического движения, действующих иногда в отличающихся условиях, на различные взгляды по тем или иным вопросам движения, венгерский коммунист указал среди важнейших основ монолитного единства на демократический централизм. В качестве другой основы единства Пуйя выделяет признание руководящей роли КПСС: «... опорой монолитного единства было наличие руководящего органа, “центра” коммунистического движения, который был создан коммунистическими партиями и функционировал также на добровольной основе... *Коммунистические партии принимали оценки, решения и постановления Коминтерна и считали их обязательными для себя, в том числе, как правило, и те партии, которых касались эти оценки или решения. Естественно, и в период монолитного единства проявлялись идеологические и политические разногласия между той или иной коммунистической партией и остальными партиями. Для разрешения разногласий использовались различные методы: дискуссии, критика, убеждение, но, к сожалению, и административные меры – принятие решений, в которых клеймились отдельные партии, смена руководства отдельных партий, роспуск некоторых партий и даже их “исключение” из коммунистического движения. Хотя эти жесткие меры означали порой вмешательство во внутренние дела соответствующих партий [здесь и далее в цитатах, если не оговорено иное, курсив наш. – В.Х., Л.Х.], коммунисты, как правило, соглашались с этими мерами даже в тех случаях, когда принимались ошибочные решения и постановления*». Из всего этого делается совершенно парадоксальный вывод: «*Монолитное единство коммунистического движения ни в коем случае не может рассматриваться как нечто насильственно навязанное движению. С одной стороны, тогдашний этап развития коммунистического движения требовал такого единства, и никакое другое единство не могло бы существовать. С другой стороны, коммунистические партии и вообще коммунисты добровольно принимали и считали для себя обязательными сущность монолитного единства и методы его поддержания*»⁷⁵.

Невозможно отрицать добровольную основу присоединения компартий, в том числе и латиноамериканских, к III Интернационалу и, следовательно, принятия на себя жестких условий подчинения международной дисциплине. Но в этом то и состоит двусмысленность позиции отрицания верности позиции т. н. антикоммунистической историографии. Признание действия принципов демократического централизма и остальных условий приема в Коминтерн автоматически означает согласие с тезисом о руководстве коммунистическим движением из Москвы и подчинение решениям Коминтерна, даже если это противоречило мнению партий и специфическим условиям развития революционного движения в стране или во всей Латинской Америке.

В некоторых компартиях взгляд на свой исторический путь стал меняться в 1980-е гг. Первыми к необходимости пересмотра устаревших концепций партийной истории пришли мексиканские коммунисты. Во многом это было связано с процессами, происходившими в самой партии, её сближением с позициями «еврокоммунизма». Нельзя не упомянуть работу многолетнего руководителя компартии Мексики А. Мартинеса Вердуго «Коммунизм в Мексике»⁷⁶. Автор получил доступ к фондам архива III Интернационала еще в 1970-е -1980-е гг.

⁷⁵ Пуйя Ф. Единство и дискуссия в международном коммунистическом движении. М., 1970. С. 14–16.

⁷⁶ Mart'nez Verdugo A. (ed.) Historia del comunismo en México. México: D.F., 1985.

⁷⁷ и в отличие от аргентинских коммунистов использовал ряд важных сведений в своей книге, что сделало её ценным исследованием истории компартии Мексики и ее связей с Москвой, не потерявшим своего значения до сего дня.

Почти в то же время вышли две работы, в которых была сделана попытка составить хронологию исторического пути КПМ, показать основные вехи ее участия в международном коммунистическом движении и политической жизни Мексики⁷⁸. Свои исследования Г. Пелаэс и М. де Неймет провели на основе анализа опубликованных документов Коминтерна и КПМ, партийной прессы, литературы. Издание «Хронологий» стало важным этапом в изучении истории КПМ и всего левого революционного движения страны, при этом не обошлось и без идеологических клише из прошлого. По привычке критикуя «антикоммунистических», «троцкистских», «реформистских» и т. д. «лжецов и фальсификаторов», настаивающих на искусственном происхождении КПМ, основанной на «золоте Москвы», или утверждающих, что КПМ – «деформированное сознание» мексиканского пролетариата и «исторически» не существует, Пелаэс не пытался опровергнуть их концепции. И если М. де Неймет хотя бы пунктиром, основываясь на доступной информации, обозначала участие КПМ в деятельности Коминтерна, то Пелаэс сводил к минимуму освещение сюжета о влиянии III Интернационала на формирование и развитие коммунистического движения в стране. Так, например, подчеркивая важность выяснения момента создания компартии, он проигнорировал факт основания КПМ Л. Гэйла, которого назвал «авантюристом», никак не обосновав такую характеристику.

Обе «Хронологии» обошли своим вниманием миссию Бородина в Мексике, только отметив факты деятельности Латиноамериканского бюро и Американского агентства; совершенно упустили из виду работу представителей Коминтерна. Конечно, подробно исследовать международную составляющую деятельности партии обоим авторам не позволила ограниченная источниковедческая база, но в их распоряжении были некоторые документы, полученные А. Мартинесом Вердуго в Москве, но они предпочли эти сюжеты обойти.

В послевоенных исследованиях Латинской Америки в СССР проблемы коммунистического движения 1920-х гг. заняли одно из ведущих мест. А.М. Зорина в первой опубликованной после войны статье выдвинула ряд положений, которые легли в основу последующих исследований советских латиноамериканистов. Отметив влияние Первой мировой войны на возрастание политического веса Латинской Америки в международной политике, углубление межимпериалистических противоречий, развитие экономического кризиса и рост политической активности масс, она подчеркивала, что Октябрьская революция стала стимулом развития классового сознания. В статье показаны различные пути формирования компартий, «рождавшихся в борьбе с анархо-синдикализмом и национал-реформизмом»⁷⁹. В более поздних работах, посвященных революционному движению Кубы, исследовательница отмечала большое влияние Коминтерна на развитие кубинского пролетариата, «содействие росту его политической и классовой сознательности и развитию чувства пролетарской солидарности»⁸⁰.

Первая в советской историографии оценка роли VI конгресса Коминтерна для развития коммунистического движения континента была дана в работе М.В. Данилевич, отметившей,

⁷⁷ Еще до выхода в свет книги А. Мартинеса Вердуго некоторые документы из архива Коминтерна были опубликованы им в партийной прессе [Manifiesto del Buro Lationoamericano de la III Internacional a los trabajadores de America Latina // Oposición (.Vlécicu). 23–28.8.1979; Programa de Accion. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición (.Vlécicu). 19–25.7.1979].

⁷⁸ Peljez G. Partido Comunista Mexicano. 60 a-os de historia. Tomo I (Cronolog'a 1919–1968). México, 1980; Neymet M. de. Cronolog'a del Partido Comunista Mexicano. Primera parte, 1919–1939. México, 1981.

⁷⁹ Зорина А.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки // Вопросы истории. 1949. № 9.

⁸⁰ Зорина А.М. Великий Октябрь и рабочее движение на Кубе // Вопросы истории. 1967. № 9; она же. Революционное движение на Кубе. 1917–1925. М., 1971; Она же. Рабочее движение на Кубе от первых выступлений пролетариата до образования коммунистической партии. М., 1975.

что документы конгресса указывали на необходимость учета специфических условий при определении путей революции, и обратившей вместе с тем внимание на сектантскую оценку конгрессом роли национальной буржуазии. Первую конференцию коммунистов континента М.В. Данилевич охарактеризовала как «важную веху в освободительном движении этого периода»⁸¹.

Анализ работы конференции занимает в советской историографии важное место. Ее значение для идейного и организационного укрепления партий отмечал Н.М. Лавров⁸². Определив характер революции в Латинской Америке, конференция заложила «фундамент для верной революционной политики компартий в странах Латинской Америки», подчеркивали Б.М. Лейбзон и К.К. Ширина⁸³. А.Ф. Шульговский отмечал, что рассмотрение конференцией итогов забастовки 1928 г. в Колумбии свидетельствовало о понимании коммунистами усиления роли рабочего класса в антиимпериалистической борьбе. Проанализировав обсуждение расовой проблемы, он подчеркивал творческий характер дискуссии по вопросу о праве индейцев и негров на самоопределение. Указывая на историческое значение конференции, он указывал на «неточные, односторонние оценки значения различных социальных сил в революционных движениях», на то, что некоторые проблемы, выдвинутые конференцией, длительное время «не разрабатывались латиноамериканскими марксистами, не всегда правильно ими истолковывались».

В.И. Ермолаев исследовал эволюцию латиноамериканского рабочего движения; привел факты, подтверждающие деятельность пролетарских марксистских организаций в Латинской Америке в XIX веке, распространение марксизма в рабочей печати еще в период I Интернационала и позволяющие опровергнуть тезис о занесении коммунистических идей на континент «большевиками и красными агитаторами» лишь после Октябрьской революции. В книгах и статьях В.И. Ермолаева были предложены принципы научной периодизации латиноамериканского революционного движения, показаны особенности формирования некоторых компартий. Советский ученый отметил роль деятельности Л.Э. Рекабаррена, С. Катаямы, Х.А. Мельи в становлении компартий Аргентины и Мексики, показал некоторые формы интернациональных связей⁸⁴. Будучи одним из немногих исследователей, имевших доступ к документам архива Коминтерна, Ермолаев допустил, однако, в своих работах и серьезные ошибки. Так, он считал компартию Аргентины «первой секцией III Интернационала в Латинской Америке»⁸⁵, что противоречит фактам: КПА, хотя и являлась первой компартией, созданной еще до основания Коминтерна, формально была принята в международную компартию только во время работы III всемирного конгресса, а компартия Мексики – уже на II конгрессе.

Существенную роль в освещении взаимоотношений III Интернационала с Латинской Америкой сыграли работы С.И. Семёнова, уделившего особое внимание первым контактам марксистов континента с В.И. Лениным в период деятельности Международного социалисти-

⁸¹ Данилевич М.В. Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки. М., 1953; она же. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки. М., 1962.

⁸² Лавров Н.М. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки // История международного рабочего и национально-освободительного движения. Ч. II: 1917–1939 годы. М., 1969.

⁸³ Лейбзон Б.М., Ширина К.К. Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение УП конгресса Коминтерна. 2-е изд. М., 1975.

⁸⁴ Ермолаев В.И. Подъем борьбы рабочего класса в Аргентине (1918–1922) // Вопросы истории. 1952. № 11; он же. Подъем революционного движения в Латинской Америке (1918–1923) // Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958; он же. Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки // Вопросы истории. 1959. № 1; он же. Великий Октябрь и революционный подъем в Латинской Америке // СССР и Латинская Америка. 1917–1967. М., 1967; он же. Распространение марксистского учения в Латинской Америке при жизни основателей научного социализма // К. Маркс и Латинская Америка. М., 1970.

⁸⁵ Другой фактической ошибкой советского историка было указание на решение Первой конференции коммунистов Латинской Америки создать совместный журнал «La Correspondencia Sudamericana». В действительности журнал как орган ЮАСКИ издавался с 1926 г. Ермолаев В.И. Компартия Аргентины – первая секция III Интернационала в Латинской Америке // Новая и новейшая история. 1959. № 3.

ческого бюро. Автор привел данные об интересе вождя большевиков к латиноамериканскому революционному движению, его встречах с латиноамериканскими революционерами и влиянии личности вождя большевиков на идейное формирование лидеров компартий региона. Расширение проникновения в Латинскую Америку идей марксизма-ленинизма он связывает с развитием интернациональных связей, деятельностью региональных органов Коминтерна. Работы С.И. Семёнова заняли особое место в советской латиноамериканистике. Его анализ рассмотрения проблем Латинской Америки Коминтерном в свете идей В.И. Ленина позволил точно выделить некоторые ошибочные оценки VI конгрессом ситуации в Латинской Америке, показать значение VII конгресса для развития латиноамериканского революционного движения⁸⁶.

Иногда небольшие фактические ошибки воздействовали на формирование принципиально иного концептуального подхода. К сожалению, они имелись и в работах С.И. Семёнова. Так, например, утверждение об установлении Социалистической партией Мексики контакта с Американским агентством Коминтерна в марте 1919 г. и объявлении созыва рабочего конгресса⁸⁷ могло создать представление о работе Национального Социалистического конгресса под эгидой III Интернационала, что меняет вектор отношений рабочего движения Мексики и международной компартии, представление о раскладе сил на конгрессе, позволяет поставить под сомнение самостоятельность его решений о формировании новой партии и ее присоединении к Коминтерну. Инициатива установления прямых контактов III Интернационала с революционным движением Мексики исходила из Москвы, но Бородин приехал уже после конгресса и оказал влияние не на его решения, а на преобразование СПМ в компартию, создание Латиноамериканского бюро III Интернационала, формирование делегации на II конгресс Коминтерна. Версия об установлении контакта мексиканских социалистов с III Интернационалом уже в марте 1919 г., т. е. сразу же после его создания, подтверждала бы слова М.Н. Роя о МКП как первой компартии вне России, сводя на нет приоритет в Латинской Америке Интернациональной социалистической партии Аргентины. Кроме того, Панамериканское бюро (Американское) агентство было сформировано после II конгресса Коминтерна и никак не могло влиять на процессы, происходившие в 1919 г.

Советские исследователи В.М. Гончаров, В.И. Ермолаев, Ю.Н. Королев, Ю. Погосов уделяли значительное внимание изучению биографий руководителей латиноамериканских компартий⁸⁸. Серьезным недостатком этих работ является их апологетический характер и дефицит информации об участии персонажей в интернациональной деятельности: в лучшем случае это сведения о должностях в Коминтерне, других организациях, участии в конгрессах и конференциях; констатация влияния Октябрьской революции, пребывания в Москве на героев книг при почти полном отсутствии сведений о характере работы ИККИ, ЮАСКИ, Всеамериканской антиимпериалистической лиги.

Так, например, В. Гончаров в жизнеописании В. Кодовильи дает портрет «мужественного пролетарского борца», «обаятельного и отважного человека, посвятившего себя самой благородной цели – борьбе за социальную справедливость, за счастье людей труда»⁸⁹. Как

⁸⁶ Семёнов С.И. Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке // Латинская Америка. 1970. № 2; он же. О подходе марксистов-ленинцев к вопросам антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке // За единство всех революционных и демократических сил. М., 1966; Семёнов С.И., Шульговский А.Ф. Роль Хосе Карлоса Мариатеги в создании коммунистической партии Перу // Новая и новейшая история. 1957. № 5.

⁸⁷ Семёнов С.И. Зарождение коммунистического движения в Латинской Америке // Первый конгресс Коминтерна. Великий Октябрь и рождение международного коммунистического движения. М., 1986. С. 501.

⁸⁸ Гончаров В.М. Камаарада Викторю (о Викторю Кодовилье). М., 1980; он же. Викторю Кодовилье – революционер, интернационалист, патриот // Новая и новейшая история. 1978. № 6; 1979, № 1, 2; он же. Родольфо Гиольди – ученый, революционер, коммунист // Родольфо Гиольди. Избранные статьи и речи. М., 1979; Goncharov V. El camarada Victorio, semblanza de V. Codovilla. Mosco, 1980; Ермолаев В.И., Королев Ю.Н. Рекабаррен – великий гражданин Чили. М., 1970; Погосов Ю. Мелья. М., 1968.

⁸⁹ Самарин В. Рецензия на кн.: Камаарада Викторю. М., 1980 // Коммунист. 1981. № 1. С. 126.

абсолютно успешная показана его интернациональная деятельность. На серьезные противоречия с реальностью указал почти сразу после выхода книги мексиканский историк Х. Пелаэс, упрекнувший советского ученого в использовании метода «улучшения истории», «характерного исключительно для наследия Александера, Альбы, Гарсия Тревиньо и остальных буржуазных и империалистических специалистов»⁹⁰. Для истории КПМ принципиальную роль имеет оценка роли Кодовильи в печально известной «чистке» 1940 г. В описании Гончарова аргентинец выглядит как скромный товарищ по борьбе, участвующий в заседаниях ЦК КПМ по просьбе его членов, готовый высказать свою позицию, если она интересует мексиканцев, оставляющий за ними право решать и никогда не навязывающий своего мнения. К такому иконописному образу не хватало одного штриха: Кодовилья приехал не как частное лицо – эмигрант, возвращающийся на родину после многолетнего отсутствия, а с полномочиями представителя Коминтерна для Южной Америки, имевшими особое значение, учитывая пребывание в Мексике Троцкого. Один этот факт не позволяет согласиться с благостными оценками личности эмиссара ИККИ, который, как показывают документы архива Коминтерна, играл важную, но далеко не всегда позитивную роль в международном коммунистическом движении.

Серьезный вклад в изучение идеологического воздействия Октябрьской революции на радикальное направление латиноамериканского рабочего движения сделан в работах Б.И. Ковалю, оценившего процесс формирования коммунистических партий как «весьма неравномерный» и шедший «неодинаковыми путями». В его книгах и статьях обобщен и подвергнут анализу обширный фактический материал, позволивший представить картину формирования компартий, сделана попытка продемонстрировать степень идеологического влияния Коминтерна на его латиноамериканские секции на примерах обсуждения важнейших теоретических проблем революционного движения Нового Света VI всемирным конгрессом, Первой конференцией коммунистов Латинской Америки, руководящими органами III Интернационала⁹¹. Важное значение имеет предложенная Б.И. Ковалем и Н.С. Коноваловой периодизация развития рабочего движения Латинской Америки⁹².

В 1970-е – 1980-е гг. появились работы, авторы которых с объективистских позиций оценивали важные аспекты истории компартий Латинской Америки, в том числе и их международные связи. В фундаментальном труде профессора Техасского университета Д.Ф. Даллеса подробно анализируются становление коммунистического движения Бразилии, взаимодействие и противоборство анархистского и марксистского течения. Американскому ученому удалось сохранить максимальную объективность и беспристрастие при рассмотрении международных связей бразильских коммунистов. На основе обширного круга источников – бразильской и иностранной прессы, мемуаров и интервью, Д.Ф. Даллес представил наиболее полную схему контактов коммунистических групп и КПБ с Коминтерном и его региональными органами, которая сейчас в значительной мере подтверждается архивными документами⁹³.

Примером взвешенного подхода, не ограниченного идеологическими клише, стала работа П.И. Тайбо II⁹⁴, нарративное исследование истории левого радикального течения мексиканского революционного движения, основанное на скрупулезном изучении архивов Мексики, США и Голландии, прессы 1920-х гг., воспоминаний участников событий, научной литературы. Мексиканскому писателю и журналисту удалось нарисовать довольно объективную

⁹⁰ Peljez G. Una biografía de Victorio Codovilla // Oposición (Mтco), 29 de noviembre de 1981.

⁹¹ Коваль Б.И. Рабочее движение в Латинской Америке. М., 1979; он же. Свет Октября над Латинской Америкой. М., 1977; он же. Революционный опыт XX века. М., 1987.

⁹² Коваль Б.И., Коновалова Н.С. Октябрьская революция и начало нового этапа рабочего движения в странах Латинской Америки // Новая и новейшая история». 1967. № 4.

⁹³ Dulles J.W.F. Anarchists and Communists in Brazil, 1900–1935. Austin, 1973.

⁹⁴ Ferreira Lima H. Caminhos percorridos. Mem'rias de militância. S.l., 1982; Taibo II P. I. Bolshevikis. Historia narrativa de los orígenes del comunismo en México (1919–1925). México, 1986.

картину зарождения и развития коммунистической партии, влияния на этот процесс американских, испанских, латиноамериканских эмигрантов (левых социалистов и анархистов), показать характер противоречий в левом секторе рабочего движения. Мексиканский исследователь уделил значительное внимание влиянию на процесс становления компартии М. Бородина, М. Роя, Ч. Филлипса, С. Катаямы.

В последнее время предпринимаются попытки пересмотра роли некоторых исторических лидеров компартий, отстраненных от руководства в результате расколов и чисток, оставшихся в партийной истории с клеймом «ренегатов» или исчезнувших из публикаций вовсе. Восстановить правду о роли и месте в истории компартии Аргентины группы «Chispa» («Искра») и ее лидера К. Ориоло, разоблачить миф о руководящей роли В. Кодовильи и Р. Гиольди в партии – такую задачу поставил Х. Ориоло⁹⁵. Однако методы, избранные им для исследования, оказались препятствием для его реализации. Автор попросту изменил оценки аргентинского «краткого курса» на противоположные. Низвергнув идолов и возведя на пьедестал падших ангелов, он не взял на себя труд доказать аутентичность новых оценок, не привел новые документы, подтверждающие его позицию. Так же как авторы подвергнутых им критическому разбору «Очерков», Ориоло обходит вопросы влияния Коминтерна на деятельность КПА, взаимодействия аргентинской партии с международным коммунистическим движением.

В 1970-х – 1980-х гг. началось целенаправленное изучение характера и структуры организационных связей III Интернационала и его латиноамериканских секций, влияния мировой компартии на развитие коммунистического движения континента, резко активизировавшееся с момента открытия для исследователей архива Коминтерна (работы Ф. Хрбаты⁹⁶, М.С. Давыдовой, С.И. Семёнова⁹⁷, Ю. Мотеса⁹⁸, В.П. Казакова⁹⁹, Н.П. Калмыкова¹⁰⁰, В.Н. Кутейщиковой¹⁰¹, Д. Спенсер¹⁰²,

В.Л. Хейфеца, Л.С. Хейфеца¹⁰³, А.А. Щелчкова¹⁰⁴, И.И. Янчука¹⁰⁵). Примером обобщающего, комплексного исследования стала монография израильского историка Х. Лейбнера

⁹⁵ Oriolo J. Antiesbozo de la historia del Partido Comunista (1918–1928). Buenos Aires, 1994.

⁹⁶ Хрбата Ф. Влияние Коммунистического Интернационала на образование и развитие революционных партий в странах Латинской Америки // Ленинизм и Латинская Америка. Всесоюзная научная конференция, Москва, 8–10 апреля 1971 г. Ч. I. М., 1972.

⁹⁷ Семёнов С.И. Коминтерн и его латиноамериканские секции: становление механизма взаимодействия // Международная организация коммунистов: Материалы пленарного заседания секции «Коминтерн – международная организация коммунистов» научной конференции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института международного рабочего движения АН СССР. Москва, 27–28 декабря 1989 г. М., 1990; Давыдова М.С. К истории становления связей Коминтерна с Компартиями Латинской Америки // Там же.

⁹⁸ Mothes J. Zur Geschichte des Secretariado Sudamericano de la Internacional Comunista – Ein Beitrag zu einem noch wenig bekannten Führungsorgan der Kommunistischen Bewegung // Lateinamerika. Semesterbericht der Sektion Lateinamerikawissenschaften der Wilhelm-Pieck Universität, Rostock, Frühjahr-Semestr, 1982; Comintern Politics concerning Latin America // The History of the Communist International and its National Sections / ed. by Jürgen Rojahn, IISG Amsterdam, in print by Peter-Lang-Verlag Ffm; “Luis” gegen Marijteguy? Zur Rolle von Jules Humbert-Droz bei der Entwicklung der Lateinamerikapolitik der Kommunistischen Internationale // Centenaire Jules Humbert-Droz, Colloque sur l’Internationale communiste. Actes, La Chaude-Fonds, 1992.; “Im Zeichen der Selbstkritik!”. Lateinamerika 1929–1933: Die Kommunisten in der Krise // Kommunisten verfolgen Kommunisten. Stalinistischer Terror und “SSüberungen” in den kommunistischen Parteien Europas seit den dreißiger Jahren. Berlin, 1993.

⁹⁹ Казаков В.А. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине // Латинская Америка. 1996. № 11.

¹⁰⁰ Калмыков Н.П. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М., 2002.

¹⁰¹ Кутейщикова В.Н. Москва – Мехико – Москва. Дорога длиной в жизнь. М., 2000.

¹⁰² Spenser D. El triangulo imposible. México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte. México, 1998.

¹⁰³ См.: раздел «Библиография» настоящего издания.

¹⁰⁴ Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936–1939 гг. М., 2001; он же. К истории создания компартии в Боливии // Латинская Америка. 1996. № 5; он же. Кризис 30-х годов в Боливии; гражданское общество и государство // Латинская Америка. 1995. № 12; он же. Неоцененная верность. Хосе Антонио Арсе и Коминтерн // Латиноамери-

«Товарищи и союзники»¹⁰⁶, посвященная истории компартии Уругвая второй половины XX столетия, но автор затронул и часть 1930-х – 1940-х гг. Лейбнером исследуются и иные – неполитические – аспекты истории компартии, в частности эволюция партийной идеологии, влияние европейских коммунистов и т. п.¹⁰⁷ Однако ранняя история партии, становление ее связей с Коминтерном, работа в качестве национальной секции «всемирной коммунистической партии» до сих пор исследованы недостаточно.

В отечественной историографии новые подходы к изучению проблем взаимодействия и взаимосвязи советской внешней политики и III Интернационала, совмещения дипломатической деятельности и коминтерновской работы в странах Латинской Америки вызвали дискуссию в журнале «Латинская Америка». И если в начале научной полемики выводы базировались на известных источниках или на предположениях, то обнаруженные уже в ходе обсуждения документы позволили прийти к однозначному выводу о дуализме советской внешней политики и прямом участии некоторых советских дипломатов в деятельности III Интернационала в Латинской Америке¹⁰⁸. С.Б. Брилев обращается к деятельности уругвайской компартии в контексте международного положения в Латинской Америке накануне и в период Второй мировой войны¹⁰⁹, становления советско-уругвайских отношений (как в рамках деятельности «Южамторга», так и в рамках кампании помощи СССР в годы войны), отдельных исторических событий¹¹⁰.

Важный вклад в исследование проблемы механизма функционирования всемирной коммунистической партии в целом сделали Г.М. Адиебеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Шириня, на основе скрупулезного анализа архивных документов впервые в историографии составив достаточно полную структуру руководящих органов III Интернационала и показав характер их эволюции¹¹¹. И хотя развитие структуры Коминтерна на латиноамериканском направлении деятельности показано недостаточно полно, следует признать поистине новаторский характер этой работы, ставшей настольной книгой для всех исследователей истории международного коммунистического движения.

Попытки обобщить первые результаты исследований с использованием архивных документов Коминтерна и его латиноамериканских секций были предприняты на круглых столах, проведенных редакциями журналов «Латинская Америка» (Москва) и «Клио» (Санкт-Петербург)¹¹², на симпозиуме «Коммунистический Интернационал и левые движения Латин-

канский исторический альманах. 2016. Т. 16. Специальный выпуск. С. 310–331.

¹⁰⁵ Янчук И.И. Хосе Карлос Мариатеги и Коминтерн (документальный очерк) // Латинская Америка. 1997. № 7–9; он же. Коминтерн и Перу: выборы 1931 г. (по документам РЦХИДНИ) // Латиноамериканский исторический альманах. 2000, № 1; он же. Третья конференция компартий Южной и Карибской Америки, Москва, 1628 октября 1934 г. // Латиноамериканский исторический альманах. М., 2002. № 3.

¹⁰⁶ Leibner G. Camaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay. Montevideo: Trilce, 2011.

¹⁰⁷ См.: Leibner G. Repensar la dependencia ideológica y el eurocentrismo en el comunismo uruguayo (1934–1955) // El comunismo en América Latina. Experiencias militantes, intelectuales y transnacionales (1917–1955) / Patricio Herrera Gonzalez (coord.), Chile, Universidad de Valparaíso, 2017. P. 101–121. Leibner G. Women in Uruguayan Communism: Contradictions and Ambiguities, 1920s–1960s // Journal of Latin American Studies, 2017, October. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-latin-american-studies/article/women-in-uruguayan-communism-contradictions-and-ambiguities-1920s1960s/6BF4E207BBABEBB12A149B55FB93B7CE>

¹⁰⁸ Кутейщикова В.Н. Еще раз о первых советских полпредах в Мексике // Латинская Америка. 1994. № 1; Сизоненко А.И. Не впадать в тенденциозность // Там же. 1994. № 7–8; он же. Возможна и другая версия // Там же. 1996. № 3; Хачатуров К.А. «Бриллианты для диктатуры пролетариата» // Там же. 1994. № 10; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коммунизм с одним «м» // Там же. 1995. № 9; Они же. Пора отказаться от тенденциозности и наивности // Там же. 1995. № 4. См. также: Сизоненко А.И. Станислав Пестковский – первый советский полпред в Мексике // Дипломатический ежегодник. М., 1992.

¹⁰⁹ Брилев С.Б. Страна-«заноза» // Международная жизнь. 2016. № 7. С. 145–184; он же. Забытые союзники во Второй мировой войне. М.: Олма-пресс, 2012.

¹¹⁰ Он же. Огненная кругосветка // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 113–140.

¹¹¹ Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.

¹¹² Коминтерн и Латинская Америка. Круглый стол в редакции журнала «Латинская Америка» // Латинская Америка.

ской Америки», проходившем в рамках IX, X и XII конгрессов Международной федерации исследователей Латинской Америки и Карибского бассейна (Тель-Авив, 1999; Москва, 2001; Рим, 2005), международных конференциях «Исторические судьбы Латинской Америки в XX веке» (Москва, 2000); «Коминтерн в Москве: перекресток цивилизаций» (Москва, 2000); «Коммунистический Интернационал: личности, аппарат и структура» (Ганновер, 2004), 51-м международном конгрессе американистов (Сантьяго-де-Чили, 2003) и 53-55-х международных конгрессах американистов (Мехико, 2009; Вена, 2012; Сан-Сальвадор, 2015). В этих обсуждениях кроме большинства перечисленных выше участвовали исследователи из различных стран: Б. Байерляйн, Р. Тоссторф, К. Мешкат, К. Хацки (Германия), Э. Чинг, Ф.И. Фирсов (США), Д. Фрахтенберг (Аргентина), П. Хубер (Швейцария), Х. Лейбнер (Израиль), Б. Карр (Австралия), Д. Мельхер (Венесуэла), Р. Мельгар Бао, Р. Ортис, А. Саборит (все трое из Мексики), Ю. Паккасвирта (Финляндия), О. Ульянова (Чили), С. Розенталь, К.Л. Майданик (оба из России).

Работа ученых многих стран в архиве Коминтерна позволила в последние годы добиться важных результатов в исследовании биографий деятелей международного коммунистического движения. В итоге был сделан прорыв в ликвидации многочисленных «белых пятен», восстановлены не только факты биографий отдельных людей, но и сами персонажи истории Коминтерна и его секций вернулись на свое место, откуда они были низвергнуты. Постепенно, медленно, не без ошибок происходит процесс переоценки роли личностей¹¹³. И каждая новая публикация позволяет ученым и людям, просто интересующимся этими сюжетами, приоткрывать завесу тайны, долгие годы покрывавшую многие судьбы. Безусловно, положительной стороной этой работы является ее интернационализация. Ученые различных стран объединяют усилия для того, чтобы ускорить выход в свет биографических словарей, щедро делятся полученной в результате своих исследований информацией¹¹⁴.

В новом ракурсе рассматриваются судьбы работников Коминтерна и партий в опубликованных в последние годы биографиях Л.К. Престеса, Х.А. Мельи, А. Гуральского, Б.Д. Михайлова, в которых использован значительный комплекс архивных материалов¹¹⁵.

Несмотря на проделанную в последнее время исследовательскую работу, в изучении проблемы становления и развития организационных связей III Интернационала и его национальных секций имеется еще немало белых пятен. Это объясняется просто – объем документов архива Коминтерна столь велик, что понадобится еще немало лет и усилий многочисленных ученых, чтобы представить полную картину действия сложного организационного механизма всемирной компартии. Наша монография является попыткой показать специфику зарождения организационных связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки, характер отношений всемирной компартии с ее национальными секциями в Западном полушарии, проследить особенности формирования региональных органов Коминтерна в регионе и их эволюции, рассмотреть опыт руководства III Интернационалом латиноамериканскими компартиями.

1999. № 10, 12; Коммунистический Интернационал: новое прочтение истории всемирной коммунистической партии. Круглый стол в редакции журнала «Клио» // Клио. 2000. № 3(12).

¹¹³ Значительную работу проделал по собиранию биографических данных и псевдонимов директор Института Троцкого П. Бруэ, но серьезным недостатком его биографического словаря является отсутствие сравнительного анализа источников и, как следствие, многочисленные ошибки. Brooe P. Histoire de l'International Communiste. Paris, 1997.

¹¹⁴ Komintern: L'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de l'International communiste en France, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse et ~ Moscou (1919–1943). Sous la direction de José Gotovitch, Mikhad Narinski, Michel Dreyfus, Claude Pennetier, Brigitte Studer, Henri Wehenkel, Serge Wolikow. Paris, 2001; Jeifets L., Jeifets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

¹¹⁵ Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005; Пантелеев М. Агенты Коминтерна. М., 2005; Hatzky Ch. Julio Antonio Mella (1903–1929). Eine Biografie. Frankfurt am Main, 2004.

1.2. Источниковедческие проблемы исследования связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки

Исследование истории латиноамериканского коммунистического движения и его связей с III Интернационалом ставит ряд проблем источниковедческого характера. В первую очередь это связано с тем, что объектом изучения являются не только результаты деятельности человека в виде исторических событий и явлений, но также формы и методы ее реализации во времени и пространстве. Исследуется и творческая деятельность человека, выраженная в эмоциональном, рациональном и интеллектуальном восприятии им окружающей действительности, мир его идей в развитии и воздействие идеологии на политику.

Эта исследовательская дилемма в полной мере отразилась и в историографии – в глобальном споре марксистского и немарксистского течений. Противники коммунистического движения стремились доказать, что деятельность национальных секций Коминтерна направлялась из Москвы и они не были самостоятельны. Коммунисты, напротив, настаивали на самобытности своих партий, обходя по возможности принципиально важную тему – характер отношений между своими партиями и штаб-квартирой Коминтерна в Москве. Все участники дискуссии основывались на предположениях и догадках, не имея возможности подтвердить свои теории документами. Множество документов Коммунистического Интернационала, как и материалы аффилированных с ним структур (стенографические отчеты всемирных конгрессов и пленумов ИККИ, материалы о деятельности руководящих органов Интернационала), были опубликованы десятилетия назад¹¹⁶, но официальные документы ни в коем случае не могут быть единственным источником изучения левого движения, поскольку они редко отражают противоречия и споры по вопросам, рассматривавшимся руководством и рабочими органами III Интернационала, из них невозможно понять механизм принятия решений во всемирной компании. Отчасти ситуацию исправляли мемуары активистов международной компартии и покинувших ее диссидентов, но степень достоверности их воспоминаний не всегда высока. Воспоминаниями Ф. Пинтоса, М. Диаса Рамиреса, З. Лаферте, Л.К. Престеса, М. Мармоля, К. Равера, Б. Роки, Ф. Гробарта, Р. Николау, Э. Воога, В. Видали, Л. Фернандеса Санчеса, Л. де ла Торрьенте, А.Р. Руиса Кортеса, А. Берналя дель Риэго пользовались и «официальные» партийные историки, однако лишь фрагментарно.

Особого рассмотрения заслуживают воспоминания М.Н. Роя¹¹⁷, содержащие немало ценных фактов о миссии в Мексике эмиссара Коминтерна и советского дипломата М. Бородин в 1919 г. и создании компартии. В то же время книга Роя зачастую содержит факты, не подтверждаемые иными источниками событий, или откровенно вымышленную информацию, как, например, сведения о проведении конференции социалистов в Мексике в конце 1918 г. Несмотря на указанные недостатки, сочетание этих воспоминаний с мемуарами других лиц позволяет уточнить детали процесса образования компартии и роль в этом представителя

¹¹⁶ См., например: Второй конгресс Коминтерна. Июль-август 1920 г. / под ред. О. Пятницкого, Д. Мануильского, В. Кнорина, М. Зоркого. М., 1934; Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. 4. I–II. М.; Л., 1925; Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1–6. М.; Л., 1929; Коммунистический Интернационал перед Шестым Всемирным конгрессом. Обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами. М.; Л., 1928; Bajo la bandera de la C.S. L.A. Resoluciones y documentos varios del Congreso Constituyente de la Confederación Sindical Latino Americana efectuado en Montevideo en Mayo de 1929. Montevideo: s. d.; El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires, 1929.

¹¹⁷ [Roy M.N.] M.N. Roy's Memoirs. Bombay; New Delhi, 1964.

Коминтерна. Ч. Филлипс сумел не только поделиться воспоминаниями в 1960-е гг., но, дожив до советской перестройки, дополнил их три десятилетия спустя¹¹⁸. Однако автор обошел своим вниманием ряд ключевых эпизодов в истории взаимоотношений мексиканских коммунистов с Коминтерном, прежде всего тех, где его он выглядел не очень «выигрышно».

Если воспоминания Роя, Филиппа и вдовы Л. Фрайны – Э. Кори¹¹⁹ во многом сохранили свое значение как важные источники для выяснения контактов Коминтерна с революционным движением Латинской Америки, то книги активиста АПРА, генерального секретаря КП Перу, а впоследствии работника Информационного агентства США Э. Равинеса наполнены такой смесью правды и выдумок, что сводили на нет всю полезность информации, не позволяя правильно оценить характер отношений III Интернационала с его латиноамериканскими секциями¹²⁰. Однако, учитывая то обстоятельство, что Равинес был участником или свидетелем многих описываемых им событий, ряд исследователей приняли его откровения за достоверный источник: приведенные им «факты» и описанные им персонажи, а главное – их оценки были положены в основу концепции о всепроникающем влиянии вездесущих агентов Коминтерна. Взгляд Равинеса на события 1930-х гг. был распространен на весь период деятельности Коминтерна, что создало деформированную картину взаимодействия международной компартии с латиноамериканскими секциями.

Входивший в руководство КПМ великий мексиканский художник Д.А. Сикейрос, участник самых значимых мероприятий Коминтерна и Профинтерна в 1928–1929 гг., в своих мемуарах описал ряд мелких деталей, но не политическую суть этих встреч и конференций¹²¹. Критикуя своего коллегу по живописному цеху и коммунистической деятельности Д. Риверу за выдумки и использование в дискуссии ссылок на политические высказывания, которые нельзя проверить, сам Сикейрос позволил явные вольности при описании многих событий.

Он приписал авторство документа с обоснованием мотивов исключения Риверы из партии, настолько «грозного и столь четко аргументированного, но одновременно и настолько жестокого», что ЦК КПМ якобы «единодушно решил не предавать его гласности», Б. Вольфу. Мемуарист удивляется, как мог американец после этого написать апологетическую биографию Риверы¹²², и приходит к выводу о том, что Вольф «стал попросту продажной особой». При этом подпольной КПМ было совершенно незачем обращаться за помощью в написании резолюции ЦК к находящемуся в США Вольфу (в Мексике в это время были представители Коминтерна Грольман и Воог, без участия которых подготовка такого документа не могла обойтись), который был исключен из КП США на две недели раньше Риверы. Обрывочная информация, подаваемая как полная, на деле искажала картину развития коммунистического движения, временами заставляя критиков сомневаться и во вполне достоверных фактах, изложенных в тех или иных мемуарах.

Сам Ривера действительно создал немало мифов о своей жизни. Так, он с наслаждением рассказывал, как «генеральный секретарь компартии Диего Ривера»¹²³ предъявил обвинения

¹¹⁸ Gomez M. From Mexico to Moscow // Survey (London). 1964. № 53; 1965. № 55; Schipman Ch. It Had to be a Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca; L., 1993.

¹¹⁹ Corey E. Passage to Russia // Survey (London). 1965. № 55.

¹²⁰ Ravines E. The Yenan Way. N.Y., 1951; Ravines E. América Latina. Un continente en erupción. Buenos Aires, 1956; Ravines E. La gran estafa. La Habana, 1961.

¹²¹ Также подробно он описал причины и характер кампании против Троцкого в Мексике и даже некоторые детали подготовки возглавлявшейся им атаки на Койоакан, но «забыл» поведать о советских разведчиках, спланировавших эту операцию. Эта тема была настолько табуирована, что советский биограф Сикейроса И.Р. Григулевич, непосредственный участник организации покушения на Троцкого, вообще не упомянул об этих событиях, назвав причиной ареста художника-коммуниста в мае 1940 г. «патологическую ненависть в стане реакционеров». Григулевич И.Р. Сикейрос. М., 1980. С. 96.

¹²² Wolfe B.D. The Fabulous Life of Diego Rivera. N.Y., 1963. В главе «Коммунистическая война против Риверы» Вольф только упоминает об исключении художника из партии, не описывая подробностей.

¹²³ Этого поста он никогда не занимал, хотя в 1923 г. очень короткое время был политическим секретарем ЦК.

художнику Диего Ривере в коллаборационизме, в сотрудничестве с правительством Мексики и предложил исключить себя из партии¹²⁴. Для повышения значимости своего исключения из КПМ автор заявил, что на Пленуме ЦК присутствовал специально приехавший для организации его исключения из Москвы секретарь ИККИ Д. Мануильский. На самом деле под псевдонимом «Педро» в Мексике находился представитель Коминтерна Грольман, также знакомый Ривере.

Мемуаристы, плывя по «волнам своей памяти», нередко бессознательно искажали события. Типичным примером являются мемуары упомянутого экс-активиста КП Мексики и КП США, а впоследствии известного историка Вольфа. Его работа «Жизнь в двух столетиях»¹²⁵ является источником двойственного характера: в ней содержится масса мелких и ценных деталей развития антиимпериалистического движения и перипетий внутренних противоречий в КПМ, при этом воспоминания абсолютно политизированы и, как большинство мемуаров, направлены на отстаивание своих прежних позиций.

До сего момента нет документальных подтверждений заявлениям Вольфа о контактах лидера КПМ М. Диаса Рамиреса с руководителем антиправительственного мятежа А. де ла Уэртой, якобы обещавшем партии деньги в обмен на поддержку; напротив, документы показывают, что кадровые перестановки в руководстве КПМ были вызваны фактором личных взаимоотношений, едва не привели к разрыву связей компартии с крестьянским движением и к ее полной маргинализации в середине 1920-х гг. Вольф обходит в своих мемуарах неудобные для него лично моменты – свою роль (совместно с сотрудниками полпредства СССР) в продвижении левацкой линии внутри КПМ.

В 1980-е гг. появились мемуарные работы, авторы которых с объективистских позиций попытались оценить важные аспекты истории коммунистического движения Латинской Америки, в том числе и международные связи компартий. Примерами такого взвешенного подхода, не ограниченного идеологическими клише, стали воспоминания ветеранов бразильской и перуанской компартий Э. Феррейра Лимы и Х. Портокарреро¹²⁶, которые знакомят с механизмом и характером обсуждения латиноамериканских вопросов в штаб-квартире Коминтерна в конце 1920-х гг., рассказывают об участии коммунистов Нового Света в праздновании 10-летия Октябрьской революции, обучении партийных функционеров в Международной Ленинской школе, деталях работы IV конгресса Профинтерна, конференции в Монтевидео и Буэнос-Айрес, освещают ряд моментов взаимоотношений национальных секций Коминтерна с московским руководством организации. Важны для понимания отношений коммунистов Мексики и их единомышленников Центральной Америке воспоминания одного из лидеров КПМ и генерального секретаря ФКМ Х. Фернандеса Анайи, дающие представления о характере его миссии в Центральной Америке. В сочетании с мемуарами М.А. Васкеса Эгисабала и М. Мармоля они предоставляют возможность заполнить существовавшую долгие годы лауну в истории революционного движения в регионе¹²⁷.

Мемуары Ж. Эмбер-Дро в значительной мере отражают роль и место коммунистического движения континента в видении вождей мировой компартии, впрочем, их серьезным недостатком является фрагментарность информации, касающейся Латинской Америки¹²⁸.

¹²⁴ Эррера Х. Фрида Кало. ¡Viva la vida! М., 2004; Леклезио Ж.-М. Диего и Фрида. М., 2003.

¹²⁵ Wolfe B.D. A Life in Two Centuries. N.Y., 1981.

¹²⁶ Ferreira Lima H. Caminhos percorridos. Memórias de militância. S. l., 1982; Portocarrero J. Sindicalismo peruano. Primera etapa. 1911–1930. S. l., 1987.

¹²⁷ Fernandez Anaya J. La fundación del Partido Comunista de El Salvador // Memoria (México). 1985. № 10 (mayo-junio); Figueroa Ibarra C. El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernandez Anaya // Memoria (México). 1990. № 31 (septiembre-octubre); Taracena Arriola A. Un salvadore-o en la historia de Guatemala. Entrevista con Miguel Angel Vázquez Eguizabal // Memoria (México), 1990. № 29 (enero-febrero); Мармоль М. Гнев и боль Сальвадора. Страницы жизни и борьбы. М., 1981.

¹²⁸ Humbert-Droz J. De Lenine a Staline. Dix ans au service de l'Internationale Communiste. 1921–1931. Memoires de Jules

Сегодня свободный доступ к огромному массиву документов (прежде всего к Архиву Коминтерна) дает возможность по-иному взглянуть на события тех лет. Документы Российского государственного архива социально-политической истории, созданного на базе ЦПА ИМЛ в 1991 г., позволяют исследовать латиноамериканское левое движение не только посредством изучения его политических деклараций, программы, структуры и внутренних организационных перемен, но и путем выяснения его места в политической и социальной действительности страны. Часть российских архивных фондов, открытая для исследователей в августе 1991 г., была вновь засекречена в 1994 г., но объем рассекреченных документов столь обширен, что по-прежнему существует громадное поле для исследований.

Архив Коминтерна начал формироваться в 1920-е гг. как действующий служебный архив для надобностей руководства и аппарата III Интернационала. При этом перед национальными секциями не ставилась задача продублировать свои архивы для их хранения в штаб-квартире организации в Москве, что объясняет отсутствие в хранилище значительной части документов центральных партийных органов, местных организаций национальных компартий. Эти материалы, вероятно, надо искать в полицейских архивах, хотя и они достаточно фрагментарны и не создают полной картины взаимоотношений между Москвой и латиноамериканским коммунистическим движением. Часть документов была утеряна после исключения из компартий ряда руководителей, в частности Х.Ф. Пенелона. Главнейшими же проблемами Архива Коминтерна оставалась недоступность широкому кругу общественности документов всемирной компартии.

Среди этих документов – оригинальные материалы конгрессов, пленумов Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) и документы более 70 коммунистических, социалистических и других международных организаций. Ряд материалов содержит рукописные поправки, сделанные руководителями III Интернационала и ключевыми фигурами коммунистического движения. В материалах, касающихся латиноамериканского левого движения, находится немало писем, отчетов, материалов дискуссий на рабочих языках III Интернационала (немецком, французском, английском). В 1930-е гг. – после русификации аппарата ИККИ – возрос удельный вес материалов на русском языке. При этом многие материалы не дублировались на испанский и/или португальский языки.

Фонды «Архива Коминтерна» в целом позволяют проследить формирование и развитие организационных связей III Интернационала с коммунистами Латинской Америки, исследовать характер и масштабы влияния московского руководства на функционирование коммунистического движения в этом регионе. При этом ряд важнейших документов утрачены или переданы в другие архивохранилища (например, неоднократно упомянутое в литературе письмо Интернациональной Социалистической партии Аргентины Итальянской соцпартии с просьбой посодействовать ее приему в Коминтерн). Личные дела ряда активистов компартий находятся в Архиве Президента Российской Федерации и остаются недоступными для исследователей. В целом в Архиве Коминтерна мало внутренних документов латиноамериканских компартий (в отличие от документов профсоюзов), тогда как весьма высок объем переписки местных левых активистов с Москвой. Интерес представляют также отчеты и доклады компартий о ситуации в соответствующих странах. Они зачастую неточны и в большинстве случаев преувеличивают размах и масштабы левого движения. Однако их критическое сопоставление с другими источниками позволяет исследователям понять, какая картина складывалась в умах лидеров компартий, как они представляли себе роль и место своих организаций в политической и социально-экономической панораме своей родины, более адекватно оценить причины успехов и неудач латиноамериканского левого движения в 1920-е – 1940-е гг.

Основной массив документов, связанных с латиноамериканскими левыми, сосредоточен в различных описях фонда 495 (ИККИ). Особенно важной представляется текущая документация руководящих органов международной компартии. Так, описи 1 и 2 (ИККИ и Малое бюро / Президиум ИККИ) содержат протоколы заседаний с принятыми решениями и подготовительными материалами, перечнем участников обсуждения, а также (не всегда) листы выполнения решений. Анализ этих источников позволяет в какой-то мере определить удельный вес латиноамериканских проблем в контексте задач мировой революции, рассматривавшихся в этих руководящих органах III Интернационала. Особое значение имеют документы начала 1920-х гг., когда в Коминтерне еще не существовала сложная организационно-политическая структура, а всеми проблемами занимались Исполком и Президиум (Малое бюро). Обсуждение на заседаниях ИККИ концепции создания заграничных бюро Коминтерна показывает позиции американских и латиноамериканских делегатов, способствовавшие учреждению Панамериканского бюро (Американского агентства). Именно постоянное давление с их стороны, как видно из документов, заставило Москву решиться на план формирования бюро¹²⁹ с целью создать вскоре континентальную компартию. Речь фактически шла о проявлении Коминтерном интереса к Латинской Америке задолго до известного в литературе «открытия Америки» VI конгрессом. Постановление Малого бюро ИККИ очерчивает сферу деятельности нового регионального органа III Коминтерна по координации деятельности коммунистов во всех странах полушария, раскрывает механизм финансирования бюро.

Обсуждение «вопросов южноамериканского движения» (1920) демонстрирует как воздействие представителей русских эмигрантских организаций на формирование внутри ИККИ определенного отношения к ИСПА, так и изменение позиции руководящих органов Коминтерна под воздействием делегата ИСПА Р. Гиольди (1921), которое привело к признанию КП Аргентины «единственной секцией III Интернационала» в стране. В описи имеются документы, существенно дополняющие фонды ряда компартий и позволяющие под иным углом рассматривать историю их создания [например, письма Х.А. Броувера председателю Коминтерна Г. Зиновьеву о формировании коммунистической группы в Панаме (1922), задолго до официального провозглашения компартии в этой стране]. Примером документов, определяющих соотношение тактики партий, является письмо ИККИ КП Мексики (1923), в котором давались конкретные указания по определению электоральной политики на фоне общетеоретических установок на разрушение в будущем парламента и замену его органами пролетарской власти (советами рабочих депутатов).

Документы Политического Секретариата ИККИ (опись 3) и Политической Комиссии Политсекретариата ИККИ (опись 4) отражают радикальные изменения в деятельности III Интернационала после ликвидации поста председателя Коминтерна. Эти органы, созданные как структуры коллективного руководства, на практике отражали тенденцию максимального подчинения международной коммунистической партии влиянию ВКП(б) и процесс «сталинизации» Коминтерна. Их появление в структуре ИККИ совпало по времени с усилением внимания III Интернационала к проблемам латиноамериканского революционного движения, начавшимся в период празднования 10-летия Октябрьской революции, подготовки и проведения VI конгресса всемирной компартии. Политсекретариат обсуждал стратегические проблемы, тогда как перед Политкомиссией стояли задачи решения оперативных политических и кадровых вопросов. Документы, имевшие зачастую судьбоносное значение для развития партий, чаще всего готовились в форме писем к партиям, тезисов, резолюций, относившихся ко всему революционному движению континента («Тезисы по вопросу о профсоюзной тактике компартий Латинской Америки», «Задачи латиноамериканских КП в революционном профдвижении»

¹²⁹ См., например: Письмо К. Янсона и Л. Фрайны в Малое Бюро ИККИ 1.10.1920. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 5а. Л. 2.

и т. д.); публиковались или рассылались под грифом «Секретно» или «Совершенно секретно» от имени Президиума, Исполкома, самих Политсекретариата или его Политкомиссии, Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ. Характер их подготовки демонстрирует наличие в Коминтерне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. разных подходов и возможности для дискуссии. Большой интерес представляет сравнение вариантов созданных для обсуждения документов и окончательного их текста, подготовительных материалов и комментариев к проектам. Так, письмо Политкомиссии Южноамериканскому бюро (1932) позволяет судить о сути разногласий ЮАБКИ и латиноамериканского представительства Профинтерна, степени подчиненности обеих структур Коминтерну, о фактическом отсутствии на этот момент компартий в Парагвае и Боливии.

По протоколам Политкомиссии можно также проследить кадровые изменения в московском аппарате ИККИ и его региональных органах и обнаружить отсутствие четких критериев при перемещении ответственных работников с должности на должность и из одной структуры в другую. Примером подобного является кадровая чехарда с участием Б. Михайлова (Вильямса), который в течение двух лет неоднократно перемещался из одного подразделения ИККИ в другое.

Если в материалах компартий содержатся главным образом документы нарративного характера, ценные для выяснения общей ситуации внутри левого движения и деталей его развития, то документальные коллекции, отложившиеся в результате деятельности руководящих органов и аппарата III Интернационала, являются, по сути, документами компаративного плана; их изучение позволяет точнее оценить, как менялись оценки и подходы лидеров Коминтерна в отношении политических и социально-экономических проблем стран континента, перспектив работы всемирной компартии в Западном полушарии. Общий анализ документов высших политических органов ИККИ позволяет прийти к выводу: нередко это были серьезные исследования, соответствовавшие тогдашнему уровню развития общественных наук. Необходимо отметить: советская латиноамериканистика, базировавшаяся на марксистских принципах, и родилась в кабинетах Коминтерна (авторами первых статей по латиноамериканским проблемам, вышедшими в СССР, были С. Пестковский, Г. Скалов, В. Мирошевский, Г. Якобсон, М. Хаскин, Л. Хайкис и др.).

Материалы заседаний латиноамериканских комиссий сохранены в описи 79 (Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ). Отдельные материалы по латиноамериканской тематике находятся среди документов Романского лендер-секретариата (опись 32) (период середины 1920-х гг., до появления ЛАЛС), а также Восточного секретариата. Это связано с принятой в Коминтерне классификацией латиноамериканских государств как полуколоний (а колониальный мир курировался данной структурой ИККИ; в ее ведении находилось и рассмотрение негритянской проблемы, которая затрагивала ряд латиноамериканских стран). Переписка компартий Латинской Америки с руководством Коминтерна показывает, насколько часто механически применялись многие схемы.

Особый интерес представляют собой доклады и предложения на заседаниях органов Коминтерна, сделанные латиноамериканскими экспертами всемирной компартии. Анализ таких документов позволяет выявить различия в подходах к направлениям деятельности коммунистов и выяснить, что стояло за тем или иным решением руководства III Интернационала. Не менее важны для исследования роли Коминтерна в эволюции латиноамериканского левого движения материалы бесед эмиссаров ИККИ с делегациями компартий во время конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе в 1929 г. и документы латиноамериканских делегаций на VI конгрессе Коминтерна. Стенограммы беседы представителей латиноамериканских компартий с делегатами III Интернационала помогают осознать действительное соотношение между внешними и внутренними факторами, предопределившими левый поворот

всех латиноамериканских компартий в 1928–1929 гг., приведший к резкому изменению их облика и к утрате связей с потенциальными союзниками и партнерами.

Само обсуждение характера революции в латиноамериканских странах, напрямую связанного с возможностями союзов коммунистов с другими организациями и партиями для совместной революционной борьбы, а также кадровые изменения внутри Коминтерна дали импульс разработке программы радикальной большевизации компартий Латинской Америки, унификации их организационной структуры и деятельности. Из архивных материалов видно, что формы и методы превращения партий в «подлинно коммунистические» в таких странах, как Перу, Венесуэла, Колумбия и Эквадор, были различными. Документы свидетельствуют о наличии в «романтический» период неортодоксального подхода к поиску союзников. Яркий пример – переписка перуанца В.Р. Айя де ла Торре с генеральным секретарем Профинтерна С. Лозовским и работником ИККИ швейцарцем Э. Воогом¹³⁰. Сутью противоречий между перуанским революционером и Коминтерном были различное понимание степени автономности революционного движения Латинской Америки в мировой коммунистической партии и нежелание перуанца ждать европейскую революцию для совершения латиноамериканской.

Анализ документов, сосредоточенных в описи 18 (Секретариат ИККИ) (переписка руководящих органов III Интернационала, в том числе личная корреспонденция председателя Коминтерна Зиновьева), позволяет выяснить, по какому пути руководство всемирной компартии пыталось направить развитие своей мексиканской секции в 1920–1921 гг. и выяснить причины неудачи данного плана. Не менее важными оказываются материалы описи 1 фонда 521 (личный фонд С. Катаямы), содержащие переписку председателя Панамериканского бюро. В сочетании с другими материалами РГАСПИ они позволяют заняться детальным изучением весьма скудно освещённой в литературе деятельности бюро по объединению коммунистического движения в Западном полушарии, определить характер этих действий, подробно исследовать непосредственное участие представителей бюро и мексиканской компартии в создании первых коммунистических групп в Гватемале и Панаме.

Материалы описи 19 (Секретариат секретаря ИККИ О. Пятницкого), где хранятся отдельные документы Отдела международной связи¹³¹, позволяют проследить механизм воплощения в жизнь решений руководства Коминтерна по поводу латиноамериканских стран и показывают восприятие местной действительности эмиссарами Москвы (что нередко оказывало непосредственное влияние на содержание директив, направляемых в эти страны из штаб-квартиры III Интернационала). В данной описи сосредоточены документы, связанные с деятельностью т. н. агентов (представителей) III Интернационала в странах Западного полушария, в частности по «миссии Вильямса» (Б. Михайлова). Находящиеся в разных документальных коллекциях¹³² материалы позволяют пересмотреть роль исторического вождя партии Кодовильи, первоначально занявшего позицию сторонника Пенелопа и только в ходе обсуждения в Москве кризиса в партии и ЮАСКИ сменившего позицию на роль обвинителя «ревизионистского пенелонизма».

Небольшим, но емким является фонд 497 (Амстердамское бюро ИККИ), в описях которого содержатся документы, связанные с поездкой в Западное полушарие первого представителя Коминтерна в Мексике М. Бородин. В фонде собраны как материалы пресс-бюро Амстердамского бюро (многие из которых также можно найти в Международном Институте социальной истории в Амстердаме), так и переписка бюро с руководством компартий различ-

¹³⁰ Материалы, касающиеся деятельности Айя де ла Торре и его отношений с Коминтерном, сосредоточены в фонде 492 (Пятый конгресс Коминтерна), описях 79 (Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ), 118 (КП Перу) фонда 495, а также в фонде 534 (Красный Интернационал профсоюзов).

¹³¹ Сам фонд ОМС, как и финансового отдела ИККИ, является до сих пор закрытым для исследователей.

¹³² Помимо описи 19 речь идет об упоминавшейся выше описи 79, а также о материалах аргентинской компартии (Ф. 495. Оп. 134).

ных стран, в том числе противоборствовавших Мексиканской Коммунистической партии и Коммунистической партии Мексики, эти документы находятся только в Архиве Коминтерна, проливая свет на детали взаимоотношений между коммунистами Мексики и Испании, складывавшиеся при посредстве эmissара Москвы. Данные материалы позволяют также осуществить анализ деятельности бюро в отношении Латинской Америки в целом, выяснить причины, побудившие всемирную компартию встать на сторону одной из группировок в конфликте между мексиканскими коммунистами. Здесь же содержатся материалы, посвященные созданию первой коммунистической секции Кубы в 1919 г. – за несколько лет до появления «официальной» компартии.

Материалы фонда 503 (Южноамериканское бюро ИККИ) содержат разнородные документы, в том числе протоколы заседаний региональной структуры и отпуски писем, направленных ЮАСКИ в различные страны континента и позволяющих увидеть весьма ограниченный масштаб деятельности Секретариата, который не сумел наладить регулярные контакты даже с некоторыми странами Южной Америки, не говоря уже о Центральной Америке и Мексике. Среди материалов фонда практически отсутствуют письма и телеграммы латиноамериканских компартий в ЮАСКИ, что, по всей видимости, объясняется причинами субъективного характера: часть этой корреспонденции направлялась ЮАСКИ в Москву, а часть была утеряна для коминтерновских структур после раскола внутри КПА. Количество текущей документации в материалах ЮАСКИ существенно увеличивается после реорганизации этой региональной структуры III Интернационала и ее превращения из фактически «личного бюро Пенелона» в орган, осуществлявший дискуссии по различным аспектам деятельности Коминтерна в Южной Америке.

Документы личного характера находятся среди материалов отдела кадров ИККИ. Эта документальная коллекция содержит как общие сведения о членах и руководителях национальных секций Коминтерна, так и (нередко) совершенно уникальные персональные материалы. Личные дела сохранили детали, позволяющие сделать историю «живой». Прежние «толкования, оценки» (то, чем, собственно, и являлись письма и высказанные много лет назад в ходе обсуждения различных вопросов мнения и подходы) стали «сегодня фактом, “документом” и, в свою очередь, подлежит истолкованию и оценке.»¹³³. Понимание причин, обусловивших вхождение тех или иных латиноамериканцев в орбиту левого движения своих стран, частных мотивов внутрипартийной борьбы ради укрепления властных позиций позволяет исследователям осуществить более тщательный анализ характера организационных связей между штаб-квартирой всемирной коммунистической партии и теми или иными компартиями и группами Латинской Америки. Материалы отдела кадров ИККИ позволяют не только конкретизировать факты биографий сотрудников III Интернационала и ряда активистов латиноамериканской левой, но и уточнить возможные варианты развития коммунистического движения континента. Не предназначенные для публикации автобиографические документы содержат бесценные для исследователей детали истории партий и их взаимоотношений с Москвой. В архиве нет сколько-нибудь подробных биографических данных многих знаковых фигур латиноамериканской левой, в том числе членов ИККИ, руководителей региональных структур III Интернационала, лидеров компартий и коммунистических профсоюзов А. Баррейро, Т. Урибе, И. Ириарте, Х. Пенелона, Х. Греко, Х.А. Мелью, Х. Аллена, Л.Э. Рекабаррена и т. д. Имеющаяся информация, как правило, не носит систематического характера, а ее появление в архиве связано с посещением зарубежными коммунистами Москвы для участия в конгрессах или по вызову Секретариата ИККИ. В этих случаях многое зависело от характера человека, его умения (и желания) подробно рассказать о своей жизни и деятельности. Развернутые и яркие автобиографии бывших руководителей КП Кубы и КП Бразилии Х. Виво д’Эс-

¹³³ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 9.

кото и А. Масиэля Бонфима, а также работника Коминтерна Г.Б. Скалова являются образцами документов этого жанра и позволяют не только раскрыть бывшие долгое время неизвестными страницы истории, но и по-иному взглянуть на многие сюжеты истории коммунистического движения. С ними контрастируют скучные и малоинформативные личные документы кубинского коммуниста Б. Роки, аргентинских коммунистов – братьев Р. и О. Гиольди. Эти материалы отчасти дополняются посредством работы с иными источниками личного характера (более позднего происхождения) – интервью и корреспонденцией с активистами латиноамериканских компартий и структур Коминтерна и их родственниками (материалы, касающиеся деятельности, например, Ф. Глаубауфа, М. Комина-Александровского, И.Р. Григулевича, И. Бондаревой, Г. Скалова, Л. Чекини, С. Пестковского и др.)¹³⁴.

Материалы конгрессов Коминтерна, КИМа и Профинтерна содержат целый ряд документов, позволяющих не только уточнить кадровый состав активистов всемирной компартии (мандаты делегатов и их доклады о деятельности компартий своих стран), но впервые раскрыть многие псевдонимы¹³⁵, выяснить, как менялся статус представителей различных левых организаций накануне и в ходе конгрессов (в опубликованных документах конгрессов такие сюжеты не находят отражения). Еще важнее оказываются неопубликованные выступления латиноамериканских делегатов и делегаций, наглядно демонстрирующие особенности дискуссии по поводу характера латиноамериканской революции, проходившей в ходе подготовки и на пленарных заседаниях и отражавшей противоречия, которые существовали в период начавшейся «сталинизации» мировой компартии. Ряд документов подтверждают факты коллективной работы латиноамериканских представителей, позволявшей им создать консолидированную позицию по ряду важнейших вопросов деятельности III Интернационала в Западном полушарии. Фонды конгрессов Коминтерна являются де-факто хранилищем обширной текущей документации, касающейся как подготовки форумов всемирной компартии, так и их проведения, роли в этих процессах руководства Коминтерна; на базе этих документальных коллекций стало возможным осуществить компаративный анализ подходов аппарата и лидеров III Интернационала к различным национальным секциям организации и эволюцию точек зрения коминтерновцев в отношении Латинской Америки.

Материалы Всеамериканской Антиимпериалистической Лиги (фонд 542) являются отрывочными, но все же позволяют составить представления о направлениях деятельности ее Континентального комитета. Переписка мексиканской секции ВААИЛ с европейским руководством Лиги, финансовые документы, переписка по поводу организации кампании солидарности с движением А.С. Сандино в Никарагуа помогают понять, как антиимпериалистическая деятельность КПМ повлияла на эволюцию мексиканского левого движения. Материалов, касающихся антиимпериалистической деятельности в других странах, практически нет, что вполне отражает ситуацию, сложившуюся в антиимпериалистическом движении, – ведущую роль Мексики, где располагался Континентальный комитет ВААИЛ.

Материалы Международного Крестьянского Совета (Крест-интерна) (фонд 535) интересны для исследователей левого движения Мексики, поскольку содержат ряд материалов по истории крестьянских организаций в отдельных регионах страны. Не менее важным является содержание переписки Крестинтерна с аграрными лигами и КПМ (а также с организациями, далекими от коммунистов, такими как Национальная Аграристская партия), показывающее, что на протяжении ряда лет Москва делала ставку на развитие КПМ в рамках широкого альянса, позволившего партии занять определенную нишу в политической системе страны. Особого упоминания заслуживает переписка ответственного за латиноамериканское направ-

¹³⁴ Записи этих бесед и письма хранятся в личном архиве Л.С. Хейфеца.

¹³⁵ См. подробнее: Jeifets L., Jeifets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

ление работы Крестинтерна Пестковского и мексиканских политиков из числа революционных националистов, содержание которой демонстрирует, как воспринимались в Москве отдельные события в Мексике. По другим странам материалов существенно меньше, что, по всей видимости, вызвано объективными обстоятельствами – из всех латиноамериканских государств только Мексика стала примером масштабной деятельности крестьянских лиг, связанных с руководством Крестинтерна. В целом материалов, касающихся крестьянского движения континента, в Архиве Коминтерна не так много, что лишний раз демонстрирует: несмотря на признание Интернационалом крестьянского характера латиноамериканских стран, основная ставка делалась на развитие рабочих выступлений и на то, что пролетариат возглавит революционный процесс.

Интерес для исследователей могут представлять материалы ленинских фондов (фонды 2 и 5), содержащие не только подписанные В.И. Лениным мандаты, но и направленные ему для ознакомления документы, касающиеся Латинской Америки, а также письма представителей региона руководителю РСФСР. Эти документы подтверждают знакомство Ленина с проблемами коммунистического движения региона и его информированность о деталях организации поездки М. Бородин в Мексику в 1919 г. и показывают случайность и произвольность деятельности Коминтерна в Мексике, что не могло не отразиться на степени воздействия III Интернационала на левое движение страны.

Некоторой универсальностью обладают материалы, сосредоточенные в документальных коллекциях компартий, в частности КПМ (фонд 495, опись 108). Здесь присутствуют отчёты и переписка представителей Коминтерна, Профинтерна и КИМа и внутренние документы III Интернационала. Тут же собраны доклады латиноамериканских коммунистов и документы, характеризующие внутренние проблемы коммунистического движения Мексики. Регулярная переписка руководства КПМ с одним из главных латиноамериканских экспертов Коминтерна Воогом позволяет проследить важные моменты истории компартии (перемены позиции по поводу выборов, отношения с крестьянскими организациями на протяжении 1920-х гг.). Весьма обширен круг материалов, принадлежащих различным профсоюзам Мексики. Их анализ позволяет определить, когда и в какой степени Москва играла роль в эволюции тактики КПМ в рабочем движении. Многочисленные материалы, относящиеся к 1928–1930 гг., в том числе переписка КПМ с Карибским бюро Коминтерна, дают возможность исследовать левый поворот, совершенный коммунистами в 1929 г., оценить степень воздействия III Интернационала на латиноамериканских левых в этом вопросе.

Целый комплекс документов по истории коммунистического движения Латинской Америки сосредоточен в фонде 515 (КП США), что связано с уверенностью руководства Коминтерна в необходимости теснейшего контакта коммунистов обеих Америк. В фонде имеются документы Панамериканского бюро, свидетельствующие об отношениях членов Бюро, влияющих на определение латиноамериканской политики Коминтерна, объеме финансирования его деятельности. На КП США в 1920-е – 1930-е гг. как на партию «метрополии» Коминтерн возлагал особую ответственность за ситуацию в революционном движении зависимых стран. В структуре Центрального Исполкома действовал Колониальный департамент, поддерживавший контакты с рядом латиноамериканских компартий и контролировавший североамериканскую секцию ВААИЛ. Документы фонда существенно дополняют информацию о деятельности Континентального комитета ВААИЛ, позволяют судить о противоречиях между американскими и мексиканскими коммунистами по вопросам организации антиимпериалистического движения. С 1924 г. происходил постоянный обмен «братскими делегатами» между компартиями Мексики и США. В отчетах о поездках, выступлениях на партийных форумах имеется интересная информация о проблемах коммунистического движения Мексики. Особое место занимает переписка с ЦИК Р(К)ПА Дж. Хартфилда (Х. Невареса Сагера), открывающая для исследователей историю деятельности одного из важнейших персонажей истории латиноамериканского

коммунистического движения в Пуэрто-Рико, Колумбии и на Кюрасао. Важная информация, позволяющая внести уточнения в историю становления компартий Латинской Америки, содержится в переписке ЦИК Р(К)ПА с руководителями революционного движения Кубы, Аргентины, Эквадора, Мексики, Колумбии, Гватемалы и т. д.

Нельзя не заметить серьезные различия в объеме и принципах формирования фондов различных партий. Две соседние страны, связанные общими проблемами и конфликтом (войной в Чако) – Парагвай и Боливия, являлись государствами, где развитие компартий невозможно назвать серьезным. Однако, опись 117 фонда 495 (КП Парагвая) содержит значительно больший комплект документов, чем опись 122 (КП Боливии). Первая причина такого различия состоит в том, что в начальный период своей деятельности парагвайская партия находилась в зоне пристального внимания ИККИ и ЮАСКИ из-за «дела Ибарролы», возникшего в связи с конфликтом секретаря ЮАСКИ Кодовильи и генерального секретаря КПП, выступившего за сотрудничество с «Интернационалом Москвы» против «диктата Интернационала Буэнос-Айреса». Кроме того, Ибаррола участвовал в VI конгрессе Коминтерна, на котором партия была принята в Коминтерн. Боливийские же коммунисты не имели прямых связей с ИККИ, и объем документов, попавших в Москву, оказался значительно меньше.

Небольшой, но ёмкой является коллекция документов КПВ (фонд 495, опись 107), которые позволяют в значительной степени заполнить лакуну, имеющуюся в историографии революционного движения этой страны, – изучить материалы и документы Венесуэльской Революционной партии (основанной в 1926 г.), широкого антидиктаторского движения, партии «Новой Венесуэлы», не ставившей задач социалистической революции. Почти одновременно некоторые лидеры ВРП (Мачадо и де ла Пласа) создали Континентальную Революционную группу, выработавшую «тайную Программу действий» и стремившуюся создать сеть ячеек в Европе и Латинской Америке для совершения революции во всей Латинской Америке. КРГ, позиционировавшая себя как правительство Венесуэлы, которое будет создано после победы революции, стремилась через Коминтерн установить широкие и братские отношения с советским правительством, направила в Москву Мачадо для обсуждения возможностей получить помощь для совершения вооруженных революционных действий по свержению диктатуры Х.В. Гомеса для установления «диктатуры пролетариата» и сотрудничества Советского Союза с постреволюционной Венесуэлой. Переписка де ла Пласа и Мачадо показывает сложный характер отношений групп венесуэльских эмигрантов-коммунистов, входивших в ВРП, с Коминтерном в период создания КПВ (1930): III Интернационал потребовал отказаться от стратегии организации вооруженных экспедиций для свержения диктатуры и сконцентрировать всю деятельность ВРП за рубежом для создания внутри страны венесуэльской коммунистической партии и ликвидации ВРП.

Собрание документов КП Аргентины (фонд 495, опись 134) – одно из самых объемных среди коллекций материалов латиноамериканских компартий, что отражает особую роль КПА в континентальном коммунистическом движении 1920-х – 1930-х гг.: после принятия партии в Коминтерн в качестве национальной секции она надолго стала основой для функционирования Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки и ЮАСКИ. Документы позволяют выяснить характер отношений КПА с организациями русских эмигрантов в Аргентине и их борьбы за признание Коминтерном. Переписка аргентинского делегата III конгресса Коминтерна Р. Гиольди с руководителями ИККИ Ракоши и Эмбер-Дро, документы структур ИККИ позволяют увидеть сложный путь аргентинской компартии к признанию в качестве полноправного члена международного объединения коммунистических партий, развеять миф о КПА как «первой секции III Интернационала в Латинской Америке». Обширная переписка представителей Коминтерна в Южной Америке М. Александровского и Ф. Вайля с Коминтерном дает представление о своеобразии взаимоотношений делегатов штаб-квартиры III Интернационала и его аргентинской секции, об особенностях «романтического» периода функциони-

рования мировой коммунистической партии. Переписка Кодовильи с В. Мюнценбергом и Ф. Мизиано раскрывает механизм оказания Коминтерном самостоятельно или через аффилированные с ним организации (Межрабпом, МОПР) финансовой помощи КПА.

Документы, хранящиеся в описи 104 фонда 495 (КП Колумбии), существенно меняют взгляд на историю коммунистического движения страны, начавшуюся задолго до 1930 г. (официальная дата создания КПК). Это в первую очередь относится к переписке ИККИ с марксистской группой С. Савицкого (Сокольского), провозгласившей себя КП Колумбии и заявившей о готовности присоединиться к III Интернационалу. ИККИ поддерживал контакт с данной группой, но так и не признал её компартией. Документы дают возможность узнать подробности борьбы Социалистической Революционной партии Колумбии (СРПК) и группы Х. де Диоса Ромеро – Э. Валенсия за признание Коминтерном в качестве национальной секции III Интернационала. В ряде писем, в том числе представителей американской компартии Хартфилда и Профинтерна О. Рабатэ, и партийных документах изложены подробности знаменитой «банановой забастовки» и описаны действия СРПК по ее поддержке. Документы, содержащиеся в описи, позволяют понять характер функционирования СРПК в условиях правительственных репрессий, проанализировать попытки организации ею эффективной нелегальной деятельности под руководством ЦК Конспиративных Ячеек и вооруженного противостояния правительственному насилию (создание военной структуры – Красной Армии СРП). Ряд документов говорят о постоянно растущем интересе в III Интернационале к ситуации в Колумбии: протоколы встреч с делегатами СРПК на VI конгрессе Коминтерна и IV конгрессе Профинтерна, Первой конференции компартий Латинской Америки, анализ положения в стране и деятельности СРПК, сделанный на буэнос-айресской конференции. Особое внимание уделялось противостоянию внутри СРПК по вопросам методов борьбы против репрессий властей и изучению возможности сотрудничества с либералами при организации вооруженного восстания под руководством генерала Куберо Ниньо. Итогом осмысления Коминтерном колумбийской ситуации стали письмо Президиума ИККИ СРПК о необходимости реорганизации партии и директивы по работе делегации ИККИ в Колумбии и Венесуэле, позволяющие судить о характере задач по «большевизации» партии, ее преобразованию в компартию, об особенностях формирования КП Венесуэлы.

Определённую проблему для исследователей создаёт разбросанность документальных материалов, относящихся к одному сюжету, по различным фондам и описям. Так, постановление о создании Панамериканского бюро и сопутствующие документы находятся в материалах описи 2 фонда 495, переписка бюро рассредоточена по описям 18 и 108 того же фонда, а также находится в описи 1 фонда 521, описи 3 фонда 533 (КИМ) и описи 1 фонда 534 (Профинтерн). Подготовительные материалы к заседаниям Латиноамериканского лендер-секретариата и высших руководящих органов Коминтерна зачастую хранятся отдельно от стенограмм заседаний, а принятые решения и проекты резолюций – в иных документальных коллекциях. Нередко письма из латиноамериканских стран в Москву и ответы на них рассредоточены по разным описям и фондам. Бессистемным оказывается подбор материалов в личных делах, что делает неизбежным сплошной просмотр этих документов для выявления нужных данных и уточнения их достоверности. Нередко подборки документов фрагментарны, и нельзя написать историю латиноамериканской левой, основываясь *только* на документах Архива Коминтерна.

В то же время материалы РГАСПИ позволяют тщательно проанализировать ключевые моменты в истории компартий, нарисовать политические портреты целого ряда важнейших фигур латиноамериканской левой, обозначив поворотные пункты и этапы развития левого движения континента. Фонды архива являются настоящей документальной сокровищницей для изучения истории левого движения целого ряда стран, позволяя выявить новые имена участников событий 1920-х – 1930-х гг., дополнить известные ранее факты подробностями и, таким образом, зачастую изменить сложившиеся представления и оценки.

Документы зарубежных архивов по сравнению с материалами Архива Коминтерна менее репрезентативны. Партийные архивы компартий стран Латинской Америки либо не существуют, либо сформированы в значительной части на базе документов, полученных из Москвы (как, например, архивы компартий Кубы, Аргентины, Парагвая и Мексики). Исключением является Центр изучения рабочего и социалистического движения Мексики, в котором имеются аутентичные материалы, в частности расшифровки магнитофонных записей бесед с лидерами КПМ М.А. Веласко и В. Кампой, а также с партийным активистом, а впоследствии работником Коминтерна Х. Гомесом (Ю. Розовским). Надо в то же время отметить, что эти материалы преимущественно относятся к 1930-м гг. Документы 1920-х гг., касающиеся Латинской Америки, сосредоточены в коллекции Б.Д. Вольфа, хранящейся в Гуверовском институте. Эта коллекция весьма фрагментарна и позволяет главным образом проанализировать характер контактов самого Вольфа с руководителем КПМ Р. Каррильо, а также с Д. Риверой и В.Р. Айя де ла Торре. Отдельные документы, связанные с деятельностью КПМ, можно обнаружить в личном архиве, сформированном мексиканским исследователем левого движения П.И. Тайбо II, однако эти материалы касаются прежде всего внутренних аспектов развития компартии и практически не содержат сведений об организационных связях КПМ с Коминтерном.

Среди документов зарубежных архивов следует особо отметить материалы, связанные с кампанией по «разоблачению международного коммунистического заговора», начатой публикацией в Великобритании знаменитого «письма Зиновьева» и целенаправленно проводившейся во многих странах. Хотя в руках властей часто были подлинные документы Коминтерна и партий, они регулярно пользовались и фальшивками, содержание которых подгонялось под потребности момента. Пример такого «документа» – «Циркуляр № 295», хранящийся в Национальном архиве Мексики¹³⁶. В основе текста лежит якобы принятое Коминтерном решение о создании в Мексике центра по руководству классовой борьбой в Латинской Америке. Простой внешний и внутренний критический анализ текста приводит к выводу о его недостоверности. Авторы мало представляли себе специфику работы и структуру Коминтерна: документ подписан Бухариным как генеральным секретарем III Интернационала, но такой должности в 1928 г. не существовало; в Коминтерне не было Центрального Комитета (принимавшего указанное решение, согласно тексту документа); в документах ИККИ не могло быть указания «Москва. Кремль», так как органы Коминтерна находились не там, а СССР официально дистанцировался от деятельности III Интернационала. В документе должно было быть указание на переводчика, поскольку документы для латиноамериканских секций переводились, и в них приводилась фамилия переводчика. За всю историю Коминтерна в Латинскую Америку не было направлено и 80 его представителей, а авторы «Циркуляра» с легкостью послали целую роту «активных агентов комиссии Прямого действия для проникновения в августе и сентябре 1928 года в Мексику, чтобы непосредственно приступить к деятельности». Даже представить себе невозможно, что ИККИ будет направлять «полный список этой группы», да еще и включающий подробные биографические сведения каждого ее участника. Не было в структуре ИККИ комиссии с таким названием, да и термин «агенты» внутри III Интернационала не применялся. Нонсенсом для коминтерновского документа является названная там фамилия «специального представителя А. Рабиновича». Настоящие фамилии работников Коминтерна, направлявшихся на нелегальную работу, не упоминались в документах, посылавшихся за границу. Раскрытие псевдонимов до сих пор является одной из самых трудоемких частей исследования истории Коминтерна – многих нелегальных работников не удалось идентифицировать и ныне. Наконец, язык документа не соответствует лексике и терминологии, применявшейся в документах, выходивших из ИККИ: в них не было прямых указаний на проведение актов

¹³⁶ Archivo General de la Nación (AGN). Dirección General de Investigaciones Políticas y Sociales. Secretaría de Gobernación. Departamento Confidencial. A—1928 / Julio. 315.7. Tomo I (III Internacional).

саботажа и терроризма и не могло быть указаний на наличие спецфонда финансовой комиссии, предназначенного на эти цели, так же как и перечисления банков, через которые якобы предполагалось финансирование этой деятельности. Фантастически выглядят упоминание специального циркуляра о «новой системе борьбы с международным капитализмом с помощью фальшивых денег», указание на то, что посланцы Коминтерна привезут с собой фальшивые купюры, и инструкция по их распространению. Если бы III Интернационал пользовался фальшивыми деньгами, не стояли бы так остро проблемы финансирования партий. Применение такого способа материального обеспечения партий и нелегальной деятельности своих представителей обрекало бы их на неминуемое преследование властями уже не по политическим, а по уголовным мотивам, и одно это должно было сдерживать ИККИ от работы в этом направлении. Вывод из анализа текста «Циркуляра» простой: документ или был изготовлен в Мексике с целью дискредитировать КПМ накануне ее запрета, или с той же целью был передан мексиканским властям из-за границы: «коминтерновские бумаги» фабриковались в то время крайне активно.

Похожие по стилю «документы» в качестве предлога для антикоммунистических репрессий обнародовало в 1927 г. правительство Боливии. Сразу же представитель информотдела ИККИ опроверг аутентичность документов, даже не комментируя его содержание, а сославшись на отсутствие в организации должности генерального секретаря и ликвидацию после VII Расширенного Пленума ИККИ поста Председателя Коминтерна¹³⁷. О существовании подобных документов в Бразилии известно из выступления делегата КПБ на VI конгрессе Коминтерна П. Ласерды, сообщившего о том, что во время налета на «Аркос» в Лондоне Скотланд-Ярд направил бразильскому правительству через посредство английского посланника «ужасающие материалы» о коммунистической агитации в Бразилии, ведущейся III Интернационалом, и потребовал от властей южноамериканского государства принятия строжайших мер против этой агитации, угрожающей спокойствию английских банкиров. В итоге бразильский парламент принял ряд исключительных законов против рабочего движения, приведших к переходу КПБ на нелегальное положение и закрытию ее газеты «Нация»¹³⁸.

Часть документов, касающихся латиноамериканского коммунистического движения, увидели свет задолго до открытия архива III Интернационала для исследователей. Это, в частности, относится к опубликованной венесуэльским диктатором Л. Контрерасом книге – обвинительному заключению¹³⁹. Тем не менее назвать эту публикацию документов объективной не представляется возможной. Данное издание включало большую подборку документов (преимущественно из тех, что были захвачены полицией при аресте членов Временного ЦК КПВ в мае 1931 г.): переписку КПВ, в том числе с Карибским бюро ИККИ. В книге также содержались протоколы допросов арестованных коммунистов и т. д. С пропагандистской точки зрения книга издана безупречно: есть факсимиле оригинальных документов, схемы коммунистических организаций, фотографии коммунистов, в основном выполненные тюремными фотографами, списки раскрытых псевдонимов, расшифровка достаточно простых условных обозначений в переписке. В комментариях составителей к документам любая деятельность упоминавшихся в издании людей квалифицировалась как коммунистическая и подрывная, в том числе сам факт их пребывания за границей. Хотя в документах не было почти ничего, что

¹³⁷ A.S. (La Paz). Nach dem niedergeschlagenen Aufstand in Bolivien // Internationale Presse-Korrespondenz. 1927. № 94. S. 2030–2031; Gefällschte Komintern-Dokumente in Bolivien // Internationale Presse-Korrespondenz. 1927. № 94. S. 2031.

¹³⁸ Выступление Ласерды (Бразилия). Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4: Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 213–214.

¹³⁹ Libro Rojo del General Lopez Contreras. 1936. Documentos robados por espías de la policia política. Caracas, 1985. Впервые издана в 1936 г. Секретной службой расследований под названием «La verdad de las actividades comunistas en Venezuela. Relación y parte de la numerosa documentación que posee el Servicio Secreto de Investigación acerca de la realidad de la propaganda comunista dentro del país».

свидетельствовало бы о наличии международного заговора против Венесуэлы, даже у непредвзято настроенного читателя могло возникнуть впечатление об уголовно-политическом интернациональном сообществе, действующем в стране.

Систематическая публикация архивных документов III Интернационала в России и за рубежом началась в 1990-е гг. после открытия Архива Коминтерна. Первые публикации принял коллектив Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН¹⁴⁰. Примерами добротных, хорошо систематизированных коллекций документов являются сборники материалов, подготовленные чилийскими, мексиканскими, колумбийскими, боливийскими, российскими и немецкими исследователями¹⁴¹.

Определенную практическую пользу для исследователей отношений III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением представляют публикации документов по рассматривавшимся руководством и аппаратом Коминтерна стратегическим проблемам, а также материалов, освещающих деятельность лидеров ВКП(б) и всемирной компартии¹⁴².

¹⁴⁰ Документы Второй конференции коммунистических партий Латинской Америки. Москва, 2-10 октября 1930 г. // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. № 6. С. 112–156; Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов / ред. колл.: Н.П. Калмыков (отв. ред.), И.И. Янчук (отв. ред.), Кораблева Л.Ю. (отв. секр.), Е.А. Ларин, Л.С. Хейфец. М., 1998.

¹⁴¹ Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. T. 1: Komintern y Chile 1922–1931. O. Ulianova, A. Riquelme Segovia ^ds). Santiago de Chile, 2005 y Chile en los archivos soviéticos, 1922–1991. Tomo II. Komintern y Chile. 1931–1935. Santiago de Chile, 2009; Ortiz Peralta R., Spenser D. La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos. Documentos, 1919–1922. México, 2006; Meschkat K., Rojas J.M. Liquidando el pasado. La izquierda colombiana en los archivos de la Uni-n Soviética. Bogota, 2009; Andrey Schelchikov y Pablo Stefanoni (coords.). Historia de las izquierdas bolivianas: archivos y documentos (1920–1940). La Paz: Centro de Investigaciones Sociales; Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia, 2016.

¹⁴² Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Документы / отв. ред. Я.С. Дабкин. М., 1998; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. документов / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы / под ред. Г.М. Адиебокова, К.М. Андерсона, К.К. Ширини. М., 2004.

Глава 2

Коминтерн приходит в Латинскую Америку

Несмотря на провозглашение всемирного характера III, Коммунистического, Интернационала, на протяжении нескольких месяцев он даже формально оставался преимущественно объединением европейских компартий. Ситуация начала меняться лишь с конца 1919 и в начале 1920 г. в результате кропотливой работы, развернутой агентами Коминтерна – ветеранами большевистского движения, хорошо знакомыми с обстановкой и пользовавшимися доверием Ленина. В Европе А. Балабановой¹⁴³, И. Арманд, Д. Мануильскому, С. Миневу и др. их миссию облегчали устойчивые связи социал-демократов со времен II Интернационала и личные отношения, сложившиеся с лидерами левого социалистического движения во время эмиграции русских большевиков. В Новом Свете такие контакты фактически сводились к переписке эмигрантов – членов РСДРП(б) в США и Аргентине с большевистским центром в Западной Европе¹⁴⁴.

¹⁴³ Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (Опыт биографического словаря). М.: Институт Латинской Америки РАН; Институт всеобщей истории РАН, 2000; Jelfets L., Jelfets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1919-1943. Diccionario biografico. Ginebra: Instituto de Latinoamérica de la Academia de las Ciencias (Moscu), Institut pour l'histoire du communisme (Ginebra). 2004.

¹⁴⁴ Работа по активизации деятельности сторонников создания III Интернационала началась еще до его формального основания. В январе 1917 г. в Нью-Йорке состоялась встреча приехавшей в США А. Коллонтай с Л. Троцким, Н. Бухариным, Г. Чудновским, С. Катаямой, Л. Фрайной, Г. Лоре и др. Именно тогда образовалась группа, формулировавшая политику Коминтерна в Западном полушарии в первые месяцы существования всемирной компартии. В нее вошли участвовавшие в деятельности Социалистической партии Америки японец С. Катаяма, американец итальянского происхождения Л. Фрайна, голландец С. Рутгерс и латышский большевик К. Янсон. Контакты с этой группой, объединившейся вокруг журнала «The Internationalist», поддерживал и русский большевик М. Бородин (Грузенберг).

2.1. Поездка Михаила Бородина в Мексику – первая миссия Коминтерна в Латинской Америке

В Аргентине возможным партнером Коминтерна могла стать возникшая после раскола в Социалистической партии (СПА) Интернациональная Социалистическая партия (ИСПА), с самого начала заявившая об ориентации на революционный социализм и большевиков¹⁴⁵ и обратившаяся с соответствующим манифестом к пролетариату Аргентины: «Над землёй повеяло горячим, стремительным ветром свободы. Он возник в России и распространяется во всех частях света. Здесь, в этой части Америки, мы хотим быть действительными, активными участниками глубочайших революционных преобразований»¹⁴⁶. С момента основания партия вела активную пропаганду идей большевизма, опубликовала Конституцию РСФСР, а в первую годовщину Октябрьской революции провела многотысячную манифестацию в Буэнос-Айресе. В мае 1919 г. 2-й съезд ИСПА принял решение о разрыве связей со II Интернационалом, присоединении к Коминтерну и направлении делегата (Х.Ф. Пенелона) на его II конгресс. Партийный форум принял также постановление об отправке официального документа всем социалистическим партиям с изложением мотивов создания ИСПА¹⁴⁷. Поскольку правительство отказало в выдаче выездных виз делегату партии, ее лидеры попросили Итальянскую Социалистическую партию передать в Москву декларацию ИСПА о присоединении к III Интернационалу¹⁴⁸.

Весной 1919 г. контакты Москвы с радикальным сектором аргентинской левой носили спорадический характер. Однако за пределами США и Аргентины даже таких связей практически не было. Поэтому первый непосредственный контакт Коминтерна с рабочим движением континента был похож на авантюру, вполне в духе «политики импрессионизма», характерной для международной деятельности большевистского руководства в первые годы существования советской власти, которая, по оценке Х. Раковского, недостаточно заглядывала вперед или смотрела слишком вдаль¹⁴⁹.

Решение секретаря ИККИ А. Балабановой направить, «несмотря на скептицизм бюро Интернационала»¹⁵⁰, эмиссара всемирной компартии М. Бородина в Мексику должно все же было иметь какое-то логическое объяснение. Почему именно Мексика оказалась целью поездки? С точки зрения развертывания революционной деятельности Коминтерна, исходя из наличия готовых организационных структур, практическую выгоду могла принести миссия в Аргентину, где ИСПА, используя опыт Циммервальдского движения и принципы нового Интернационала, проповедуемые большевиками, активно пыталась играть роль международ-

¹⁴⁵ Редакционная статья «La Internacional» от 14 сентября 1917 г. «Мы с Лениным» // Кодовилья В. Избранные статьи и речи. М., 1970. С. 12; Доклад Р. Гиольди ИККИ 1.6.1921 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 134. Д. 15. Л. 6 об. – 9; Ермолаев В.И. Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М., 1982. С. 95; Семёнов С.И. Зарождение коммунистического движения в Латинской Америке // Первый конгресс Коминтерна. М., 1986. С. 494.

¹⁴⁶ Historia del Socialismo marxista en la República Argentina. Or'gen del Partido Socialista Internacional. Informe dirigido a la Internacional Socialista y a todos los Partidos socialistas. Buenos Aires, 1919. P. 57.

¹⁴⁷ Historia del Socialismo marxista... P. 1.

¹⁴⁸ Доклад Р. Гиольди ИККИ 28.7.1921 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 15. Л. 17 об.; Corbiure E.J. Op. cit. P. 44, 62.

¹⁴⁹ Такой позиции придерживались в начале 1920-х гг. видные советские дипломаты К.К. Юренев и А.А. Иоффе. См.: Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М., 1972. С. 40; Иоффе Н. Адольф Абрамович Иоффе. М., 1977. С. 86. Позднее, выступая на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1927 г., Х.Г. Раковский подчеркнул, что внешняя политика СССР «определяется эмпирически изо дня в день под влиянием тех или иных событий», а не формируется на основе «установленной заранее начерченной программы» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 98, цит. по: Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1: 1928–1934. СПб., 2000. С. 75

¹⁵⁰ Записка А. Балабановой В.И. Ленину [май 1920 г.] // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 83. Л. 12.

ной, наднациональной партии, распространяя своё влияние на рабочее движение соседних стран. Характер ИСПА как организации, действующей внутри и вовне государственных границ, подчеркивался избранием чилийского эмигранта Л.Э. Рекабаррена политическим секретарем партии. Возвращаясь в Чили, Рекабаррен участвовал в марте 1918 г. в оформлении левого крыла соцпартии Уругвая в секцию ИСПА и выработке её идеологической платформы¹⁵¹. Его деятельность в Уругвае являлась примером миссии по созданию коммунистических партий и групп в соседних странах, осуществленной до создания Коминтерна. Таким образом, ещё до формального и фактического установления связей с Москвой ИСПА сделала серьёзную заявку на выступление в роли «континентального большевистского Интернационала».

Выбор в пользу Мексики, сделанный руководством III Интернационала, основывался на тогдашнем понимании большевистским руководством геополитического положения данной страны и преувеличенной оценке её революционного потенциала, основанной не на реальном знании политической ситуации и состояния рабочего движения страны, а на иллюзорных представлениях о них. Миссия Бородина была задумана как многоходовая комбинация. Одновременно решалось несколько задач как стратегических, так и тактических. Одни были связаны собственно с Коминтерном, другие – с соображениями дипломатического характера в Мексике и США. 17 апреля 1919 г. председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин подписал документы о назначении М. Грузенберга (Бородин) генеральным консулом РСФСР при правительстве Мексики, уполномочив его на ведение переговоров об установлении дружественных межправительственных отношений¹⁵². Безусловно, Москва учитывала тот факт, что из всех латиноамериканских стран, поддерживавших дипломатические отношения с Россией к моменту Октябрьской революции, лишь Мексика не разорвала их после прихода к власти большевиков, а лишь приостановила¹⁵³. Хотя логичнее было бы направить для переговоров полномочного представителя, Бородин был назначен лишь консулом. Это было связано с тем, что с 1913 г. назначенного российского посла в Мехико не было, но консулы продолжали работать.

Немаловажную роль играло то, что руководство Советской России и III Интернационала не могло не видеть в Мексике потенциального союзника и явно намеревалось сыграть на политической ситуации в стране и особенностях ее взаимоотношений с США, связанных с завершением буржуазно-демократической революции, носившей явно антиамериканскую окраску. Это вкупе с «прогерманской ориентацией» президента В. Каррансы привело к серьёзному кризису в отношениях с США. Хотя Карранса и не был, как это показывают исследования ряда мексиканских авторов, «германофилом» в строгом смысле этого слова (он лишь хотел сохранить хорошие отношения со всеми европейскими государствами вне зависимости от их отношения к войне), победы Германии и её союзников способствовали росту антиамериканских настроений в Мексике. К тому же Германия открыто пользовалась свободным доступом в мексиканские порты для военных целей, а публичные заявления немецкого посланника фон Экхардта о стремлении мексиканского президента к установлению более тесных отношений с кайзером Вильгельмом II способствовали нагнетанию «тревожной и опасной обстановки». В то же время Карранса использовал Германию для того, чтобы шантажировать США своими «контактами» с Берлином. Эта тактика оказалась частично успешной, по крайней мере во время войны: перед

¹⁵¹ Ермолаев В.И., Королёв Ю.Н. Рекабаррен – великий гражданин Чили. М., 1970. С. 106. Это дает основание некоторым историкам чилийского рабочего движения считать Рекабаррена основателем трех коммунистических партий: Аргентины, Уругвая и Чили. Jobet J.C., Barr'a J., Vitale L. Obras selectas de Luis Emilio Recabarren. Santiago de Chile, 1971. P. 42.

¹⁵² Мандат М.М. Грузенберга // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9324. Л. 1–1 об.; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7: Март–ноябрь 1919 г. М., 1976. С. 96; Советско-мексиканские отношения (1917–1980): Сб. документов. М., 1981. С. 9–10. Вопросы предстоящей поездки обсуждались Бородиным как с главой советского правительства (24 марта), так и с наркомом внешней торговли Л. Красиным (по просьбе Ленина). В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 16.

¹⁵³ Cárdenas H. Las relaciones mexicano-soviéticas. México, 1974. P. 40; Cárdenas H. Historia de las relaciones diplomáticas entre México y Rusia. México, 1993. P. 148.

лицом увеличивающегося напряжения в американо-германских отношениях президент США В. Вильсон де-факто признал правительство Каррансы¹⁵⁴. Важно другое: президент Мексики рассматривался общественным мнением США как союзник немцев, и после поражения Германии ему пришлось столкнуться с куда более грозной опасностью интервенции со стороны США, чем ранее. Об этом регулярно информировало правительство Генеральное консульство Мексики в Нью-Йорке¹⁵⁵. Именно на этих настроениях, вероятно, и предполагали сыграть руководители (б), НКВД РСФСР и Коминтерна.

Имеющиеся документы и материалы не позволяют с абсолютной точностью определить, какой была приоритетность задач, возложенных ИККИ и НКВД РСФСР на Бородину. Однако определенные выводы сделать все-таки возможно. Эмиссар Коминтерна и Совнаркома должен был добиться признания мексиканским правительством Советской России, дать импульс созданию коммунистических партий в Латинской Америке, обеспечить координацию действий коммунистического движения региона с центром в Мексике, организовать финансовую поддержку миссии Л. Мартенса в США и латиноамериканских компартий¹⁵⁶. И хотя решение этих задач было чрезвычайно важным делом, оно тем не менее носило тактический характер. Но были и другие соображения – стратегические.

Радикальный американский журналист К. Билс полагал: основной задачей Бородина было не допустить вступления США в войну против Советской России, организовав «такие неприятности в Мексике», которые подвигли бы Вашингтон на вооруженную интервенцию в эту страну¹⁵⁷ и связали бы американцам руки нерешенными проблемами вблизи собственных границ. Идейным и организационным центром создания таких трудностей для США потенциально могла бы стать мексиканская компартия, работа которой, несомненно, приобрела бы антиамериканский характер. Судя по воспоминаниям М.Н. Роя, Москва не только не считала, что подобная деятельность испортит отношения с Мексикой, наоборот, рассчитывала на поддержку её президента, полагая, что антиимпериалистическая направленность коммунистического движения вполне сочетается с основным вектором внешней политики Мексики – противостоянием с Соединенными Штатами.

О целях миссии Бородина рассуждал в своих мемуарах и один из основателей компартии Мексики, а позднее видный историк Х. Валадес. Его предположение о том, что одной из целей визита была организация компартии, подтверждается архивными документами. Слова же о желании Москвы «воспользоваться недовольством А. Обрегона и других мексиканских генералов правительством В. Каррансы, объединить мексиканских военных руководителей, обратив их в коммунизм, поднять их на восстание под красным знаменем и взять власть»¹⁵⁸, вряд ли соответствуют действительности. Такой вывод можно сделать на том простом основании, что в то время руководство Советской России не имело ни малейшего представления о противоречиях, существовавших внутри правящей мексиканской элиты. И если лидеры Комин-

¹⁵⁴ Durj E. Guerra y revolución. Las grandes potencias y México. 1914–1918, México, 1985. P. 134, 139; Valadés J.C. Historia General de la Revolución Mexicana. Vol. 6. Intromisión extranjera, México, 1985. P. 200, 210–211.

¹⁵⁵ Katz F. La guerra secreta en México, vol. 2. México, 1982. P. 229–232; Archivo Histórico de la Secretaría de Relaciones Exteriores (México). Expediente 17-17-270.

¹⁵⁶ Gomez M. From Mexico to Moscow // Survey (London). 1964. № 53. P. 36, 39; Письмо С. Рутгерса С. Панкхёрст 3.6.1920 // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 199; Clissold S. (ed.). Soviet Relations with Latin America. 1918–1968. A Documentary Survey. N.Y.; L.; Toronto, 1970. P. 3; см. также: Oswald G.J. and Strover A.J. The Soviet Union and Latin America. N.Y., 1970. P. 16; M.N. Roy's Memoirs. Calcutta. P. 198–199; Souvarine B. Michel Borodine en Amerique // Freymond J. (ed.) Contributions a l'histoire du Comintern. Geneve, 1965. P. 97–101. Обсуждение целей поездки см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Михаил Бородин в Новом Свете: дипломат или миссионер Коминтерна? // Americana: Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия». Вып. 2. Волгоград, 1998. С. 118–131; см. также: Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка. 1919–1921 гг. Дис... канд. ист. наук. СПб., 1998; Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб., 2006.

¹⁵⁷ Beals C. Glass Houses. Ten Years of Free Lancing. Philadelphia; N.Y.; Toronto, 1938. P. 45.

¹⁵⁸ Valadés J.C. Memorias de un joven rebelde, 2a parte. Universidad Autónoma de Sinaloa, 1986. P. 88.

терна легко могли пойти на смелый эксперимент по созданию компартии в далекой стране, основанный (в отсутствие точной информации) на уверенности в том, что революция в Мексике не может не быть антиамериканской, то сценарий военного переворота, осуществленного генералами-коммунистами в 1919 г., в Москве явно не планировался. Мексиканский историк, похоже, попросту спутал визит Бородина с планами мексиканских коммунистов в 1920 г. и их попыткой установить контакты с обрегонистским движением и, в частности, с генералом Ф.Х. Мухикой.

Наличие в Москве консульства Мексики привело к мысли использовать для планировавшейся миссии, учитывая сложности передвижений эмиссара советского правительства по Европе и США, дипломатическое прикрытие. С этой целью была организована сложная комбинация с участием высокопоставленных функционеров Совнаркома и Коминтерна. Техническая сторона поездки Бородина прорабатывалась достаточно серьезно. В марте 1919 г. замнаркома иностранных дел Л. Карахан сообщил и. о. консула Мексики В. Блидину о желании СНК создать Русско-Мексиканскую торговую палату и направить в связи с этим в Мехико М. Бородина для доставки правительству Каррансы соответствующих предложений в диппакете с печатями мексиканского консульства. От консула требовалось выдать советскому представителю мексиканский дипломатический паспорт и свидетельство о пребывании его в должности вице-консула Мексики в Москве. Для обеспечения безопасности поездки Бородина вместе с ним был направлен секретарь консульства Х. Вильярдо¹⁵⁹. Их совместное путешествие продлилось до мая-июня 1919 г., а затем эмиссар Коминтерна и НКВД уже самостоятельно отправился в США. Проследившим за ним сотрудникам американских спецслужб удалось выяснить, что тот встретился с сотрудником бюро Л. Мартенса (неофициально представлявшего интересы Советской России) Дубровским, после чего продолжил поездку в Мексику¹⁶⁰.

В отличие от ряда европейских стран и США в Мексике в начале XX столетия не существовало общенациональной социалистической партии. Несколько групп разной степени влияния именовали себя социалистическими (в частности, созданная в 1911 г. адвокатом А. Сантибаньесом и эмигрантом из Германии, социал-демократом П. Цирольдом Рабочая Социалистическая партия Мексики численностью около 50 человек, фактически прекратившая свою деятельность в 1915 г.). Мексиканские рабочие охотнее откликались на анархистские и анархо-синдикалистские идеи. Более или менее сильной являлась Социалистическая партия Юкатана, возглавлявшаяся Ф. Каррильо Пуэрто и контролировавшая законодательные органы штата. Радикализация рабочего движения ускорилась с появлением в Мексике в 1917–1918 гг. группы эмигрантов из США, бежавших из-за нежелания служить в армии. Многие из них, являясь левыми социалистами либо радикалами, сочувствовавшими большевикам, включились в мексиканское социалистическое движение, способствуя формированию внутри него левого крыла. Вскоре к этой группе присоединился индийский революционер М.Н. Рой, постепенно эволюционировавший в сторону социализма. Вступив в малочисленную СП Мексики (СПМ), энергичный Рой быстро стал доминировать в ней, в чем, не исключено, сыграл свою роль и денежный вопрос: Рой на деньги немецкого посольства финансировал издание газеты «El Socialista»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Дипломатическое прикрытие было необходимо Бородину в первую очередь потому, что он перевозил около 45 тыс. долларов и драгоценности стоимостью около полумиллиона рублей. См.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мексиканская авантюра Советского правительства в 1919 году // Источник. 1999. № 4. С. 68; Loupan V., Lorrain P. L'argent de Moscou. Paris, 1994. P. 50; Запрос М. Литвинова в НКВД и Коминтерн 14.12.1919 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 6. Л. 20; Депеша Коминтерна (Я. Берзин, Клиггер) и Г. Чичерина Литвинову 18.12.1919 // Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 220. Л. 1–1 об.

¹⁶⁰ Jacobs D.N. Borodin. Stalin's Man in China. Cambridge, 1981. P. 61–62; Holubnychy L. Michael Borodin and the Chinese Revolution, 1923–1925. N.Y., 1981. P. 45; Spolansky J. The Communist Trail in America. N.Y., 1951. P. 173–174.

¹⁶¹ О деятельности эмигрантов в мексиканском революционном движении см.: Доклад Х. Рамиреса [Ч. Филлипса]. 18.1.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 4. Л. 7–8; Биография Л. Гэйла // Там же. Д. 5. Л. 17–19; Аллен Х. Коммунистическое движение в Мексике. Доклад 7.9.1922 // Там же. Д. 25. Л. 18; Beals C. Op. cit. P. 43–44; Gomez M. Op. cit. P. 33; Haithcox

По инициативе СПМ, поддержанной еще несколькими организациями, в августе-сентябре 1919 г. состоялся I национальный социалистический конгресс, в заседаниях которого участвовали представители и социалистов, и анархистов, и реформистских профсоюзов, учредивший Мексиканскую Социалистическую партию (МСП)¹⁶², генеральным секретарем которой был избран Х. Аллен.

Декларация Принципов революционного социализма, принятая конгрессом, в качестве ориентира признавала Манифест III Интернационала, а главными задачами социалистического движения провозглашала борьбу за свержение капиталистического строя путем революционного захвата политической власти, и необходимость «временной диктатуры пролетариата и трудящихся земли, единственных классов, заинтересованных, в установлении социализма» как первого шага на пути к полной победе коммунизма. Декларация осуждала утративших «пролетарский и революционный характер» социалистов Западной Европы, отвергала парламентский путь борьбы рабочего класса за свои права, допуская, однако, использование права голоса для выбора революционных представителей на государственные посты, если это не отражается на эффективности классовой борьбы¹⁶³.

На конгрессе возникло резкое противостояние между группой, которую возглавляли Рой, сотрудник газеты «El Heraldo de México» американец Ч. Филлипс (Симэн) и мексиканец Х. Аллен, и сторонниками члена СПМ, издателя «Gale's Magazine» американца Л. Гэйла. Конфликт из-за предоставления делегатского мандата лидеру Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ) Л. Моронесу привел к расколу мексиканских сторонников III Интернационала: после завершения конгресса, 7 сентября двое из числа подписавших Декларацию делегатов – Л. Гэйл и филиппинец Ф. Луна – вместе с некоторыми другими активистами провозгласили создание Коммунистической партии Мексики (КПМ)¹⁶⁴.

Серьезных политических и теоретических расхождений у обеих партий не было: причиной этого шага, скорее всего, явился вопрос о персональном составе руководства и делегации на II конгресс Коминтерна. Осенью 1919 г. деятельность КПМ сводилась преимущественно к борьбе против «большинства» конгресса, выражавшейся в ожесточенных личных нападениях. В памфлете, опубликованном Гэйлом в сентябре, он обвинил Роя и Филлипса, «делавших вид, что находятся в оппозиции к Моронесу и идеям Американской Федерации Труда, а на деле тайно осуществлявших планы этого человека Гомперса», в том, что они позволили Моронесу ощущать себя на конгрессе абсолютным победителем. Автор памфлета высказал сомнения в том, что Рой стал социалистом «в полной мере», Филлипс же был охарактеризован им как буржуазный либерал¹⁶⁵. Руководство КПМ отрицало право МСП считаться радикальной партией, одновременно апеллируя к лидеру Коммунистической Рабочей партии Америки Дж. Риду, пытаясь убедить его в том, что все обвинения в адрес Гэйла со стороны МСП «лживы» и представляют собой не достойную ответа «гниль»¹⁶⁶.

Для коммунистического движения Мексики приезд Бородина, бесспорно, оказался судьбоносным. Было бы непростительным не задать вопрос: как развернулись бы события в ради-

J.P. Communism and Nationalism in India. Princeton, 1971. P. 7–8; Roy M.N. Op. cit. P. 106–121; Хейфец В.Л. Американская и российская радикальная эмиграция в Мексике в 1920-е гг. // Актуальные проблемы американистики. Н. Новгород, 2003. С. 131–137.

¹⁶² Martinez Verdugo A. (ed.). Historia del comunismo en Mexico. Mexico, 1985. P. 24.

¹⁶³ Предисловие к Манифесту Латиноамериканского бюро III Интернационала // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 1. Л. 6; Declaración de Principios Aceptados por el Primer Congreso Nacional Socialista; Programa de Acción. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición. (Mexico), 19–25.7.1919.

¹⁶⁴ Сам по себе повод для противостояния с точки зрения перспектив развития коммунистического движения в Мексике был лишен смысла: Моронес и его соратники, обнаружив, что находятся на конгрессе в абсолютном меньшинстве, отказались подписать его итоговые документы и участвовать в деятельности МСП.

¹⁶⁵ Gale L. Gompers Dominates the Mexican Socialist Congress // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 6. Л. 1.

¹⁶⁶ Письмо Л. Гэйла Дж. Риду 15.9.1919 // Там же. Д. 3. Л. 13.

кальном секторе мексиканского рабочего движения, если бы эмиссар Москвы не прибыл в страну как раз в тот момент, когда в результате полемики на I Национальном социалистическом конгрессе произошел раскол в стане потенциальных сторонников Коминтерна, приведший к появлению КПМ Гэйла и Мексиканской Социалистической партии, и если бы его переводчик, американский социалист Р. Маллен, не свел «румынского бизнесмена Александреску»¹⁶⁷ с Роем и Филлипсом. Именно Бородин убедил лидеров МСП переименовать ее в коммунистическую партию и направить делегатов на конгресс Коминтерна. Рой вместе с Бородиным разработал план предстоящего съезда партии. Бородин составил приветствие съезду от имени ИККИ¹⁶⁸. Для самих Роя и Филлипса всё, однако, сложилось не так просто, как они описывают в своих мемуарах. Против изменения названия партии выступил член Исполкома МСП Ф. Сервантес Лопес. Произошел второй раскол. Невзирая на оппозицию, на заседании ИК МСП 24 ноября единогласно было провозглашено создание на основе МСП Мексиканской Коммунистической партии (МКП). Правда, на заседании присутствовали лишь 7 из 22 первоначальных членов Исполкома; Бородин на данном мероприятии не было. Генеральным секретарём партии был избран Аллен¹⁶⁹. МКП насчитывала несколько десятков членов. Только летом и осенью 1920 г. были созданы партийные ячейки за пределами Мехико, практически не связанные между собой. Впрочем, и влияние сторонников Гэйла, вопреки их заявлениям, распространялось вне пределов столицы в очень небольшой степени.

МКП, естественно, была обязана своим появлением не только усилиям Бородина. Как уже упоминалось, в социалистическом движении Мексики к осени 1919 г. существовало радикальное крыло, симпатизировавшее большевикам. В начале октября МСП начала издание еженедельника «El Soviet», название которого не оставляло сомнений в идейных приоритетах руководства партии. Однако революционные группы имели весьма смутное представление о деталях пролетарской революции, событиях в России, сущности Советской власти. Большинство мексиканских левых находились во власти идей анархизма и анархо-синдикализма, и приезд Бородина и его влияние на Роя и Филлипса, несомненно, ускорили процессы, назревавшие в социалистическом движении страны. Полномочия же посланца Москвы были достаточно весомы, если позволяли подписать от имени ИККИ обращение к МКП и уверенно говорить о признании партии Коминтерном к моменту приезда её делегации в Москву, едва Бородин поставит вопрос перед ИККИ¹⁷⁰.

При наличии в Мексике двух компартий, каждая из которых считала именно себя истинной представительницей пролетариата страны и добивалась признания со стороны III Интернационала, московскому эмиссару предстояло взвесить, развитие какой партии сулит большие перспективы и решить, кому отдать предпочтение. КПМ вела активную пропаганду с целью поиска сторонников за рубежом, и некоторое время в левых кругах США и Франции именно Гэйла воспринимали как лидера коммунистов Мексики. Тем не менее Бородин решительно и бескомпромиссно поддержал созданную при его участии МКП, охарактеризовав лидера КПМ Гэйла как «потенциального полицейского шпиона»¹⁷¹.

¹⁶⁷ Так первоначально представился Бородин в Мехико. Gomez M. Op. cit. P. 35–36; Roy M.N. Op. cit. P. 178.

¹⁶⁸ Roy M.N. Op. cit. P. 211.

¹⁶⁹ Márquez Fuentes M., Rodríguez Araujo O. El Partido Comunista Mexicano (en el período de la Internacional Comunista. 1919–1943). México, 1973. P. 62.

¹⁷⁰ Письмо М. Бородина Х. Аллену [ноябрь 1919 г.] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 1. Л. 10. См. подробнее: Хейфец В.Л. Провал континентальной революции: Коминтерн и эволюция левого движения Мексики в 1919–1921 гг. // Россия в контексте мировой истории. СПб., 2002. С. 252–277; Hejfec L. und V. Die Komintern und Lateinamerika. Die Geburt einer kontinentalen Internationale // The International Newsletter of Communist Studies. Vol. X (2004). № 17 (published jointly with Jahrbuch fYr historische Kommunismusforschung). P. 36–45.

¹⁷¹ Письмо Х. Аллена Э. Воогу 29.4.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 4; копия письма Троттера [Рутгерса] М. Бородину // Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 12–12 об.

Вряд ли внимательный наблюдатель тогда мог разглядеть серьезные расхождения в идейных позициях Роя и Гэйла: как и многие неофиты Коминтерна, они оба имели смутное представление о большевистской идеологии. А по чисто внешним показателям группа Гэйла была даже несколько ближе к Коминтерну: ее название – Коммунистическая партия Мексики – в точности соответствовало одному из разработанных Лениным чуть позже «21 условию» приема в III Интернационал. Однако с подачи Бородина Амстердамское бюро ИККИ признало единственной секцией Коминтерна в Мексике МКП.

Удивительно, что Бородин, считавшийся мастером урегулирования сложнейших внутри- и межпартийных конфликтов ¹⁷², в противостоянии групп Роя и Гэйла бескомпромиссно встал на защиту первой, даже не попытавшись разобраться в логике второй, хотя вообще понять что-либо было непросто. Они были зеркальным отражением друг друга, выдвигая друг против друга одни и те же обвинения, используя в дискуссии одну и ту же лексику. Сумел же посланец Москвы разглядеть при оценке почти такой же ситуации в коммунистическом движении США суть не менее сложной проблемы, сообщая в Амстердам и о «тройном расколе в Социалистической партии», и о том, что «Коммунистическая партия превзошла по жестокости самого царя Ирода». Для Бородин было «непостижимо» существование двух коммунистических партий в США, и он настаивал на необходимости срочного разрешения этой опасной коллизии руководством III Интернационала. Что же касается Латинской Америки, то в том же письме он с оптимизмом сообщал: «Мексиканская Социалистическая партия, ныне – Коммунистическая – поддержала III Интернационал. На Кубе организована Коммунистическая секция. В обеих странах демонстрируется большой энтузиазм» ¹⁷³.

Объяснение столь нелогичного поведения Бородин явно лежит за пределами сути противоречий КПП и МКП. Дело было, видимо, в личности Роя, в котором посланец Москвы увидел человека, способного стать организатором коммунистической деятельности на направлении, становившимся в Коминтерне на тот момент приоритетным, – ударе по могуществу империалистических держав через их колонии. Лев Троцкий писал 5 августа 1919 г. (еще в то время, когда Бородин находился на пути в Западное полушарие): «Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас не может иметь крупного значения... международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии» ¹⁷⁴.

По мнению Бородин, Рой вполне мог стать лидером антиколониального восстания в Азии. В письме руководителю Амстердамского бюро Рутгерсу он пояснял, что Рой – коммунист, верящий в то, что «спасение Индии зависит не от националистического движения Индии, а от индийского пролетариата, у которого те же цели, что и у пролетариата всего мира», и рассматривающий работу в Индии «как деятельность Коммунистического Интернационала». Именно Бородин предложил, чтобы Рой не только представил мексиканскую компартию и сделал сообщение относительно Латиноамериканского бюро III Интернационала, но и подготовил доклад о проблеме «работы Интернационала среди колониального пролетариата» ¹⁷⁵. Так, задолго до II конгресса Коминтерна, родилась идея знаменитых дополнительных тезисов Роя по национально-колониальному вопросу.

¹⁷² Именно для решения сложных коллизий руководители большевистской партии и Коминтерна позднее посылали Бородина в Германию, Англию и Китай.

¹⁷³ Письмо М. Бородин С.Ю. Рутгерсу из Мадрида 4 января 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–2 об. Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998. С. 146–147.

¹⁷⁵ Письмо М.М. Бородин С.Ю. Рутгерсу [1920 г.] // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 39–40.

Рой уже тогда пошел дальше планов своего наставника Бородина, предложив создать в Бюро III Интернационала в Москве особую секцию для разработки проблем коммунистической работы в колониях¹⁷⁶. Еще не добравшись до Москвы, мексиканский делегат занялся теоретическим обоснованием значения для Коминтерна колониального вопроса и пришел к выводу, что западноевропейский пролетариат нуждается во внешней силе для нанесения решающего удара по капиталистическому строю, которой, несмотря на своё менее развитое классовое сознание, могли быть пролетарские массы Латинской Америки и Востока. Сильные позиции капитализма в Европе и Америке следовало, по мнению Роя, атаковать «с флангов и тыла»: США – из латиноамериканских стран, а европейский капитализм – из азиатских колоний. Этой цели, подчеркнул Рой, служит созданное в Мексике Латиноамериканское бюро, которое необходимо дополнить Восточным бюро где-нибудь в Центральной Азии, возглавить которое, по мысли индийца, мог бы Рутгерс¹⁷⁷. Переписка Бородина, Рутгерса и Роя свидетельствует об известной доле революционного романтизма, присущего Коминтерну в начальный период его деятельности: Рой был уверен в своем праве вносить предложения о структурной перестройке его аппарата и кадровых назначениях, невзирая на свой почти нулевой опыт пребывания в рядах международной компартии. Правда, это говорит также и об амбициях Роя, в основе которых лежали определенные черты его характера, подпитывавшиеся к тому же авансами, выданными ему Бородиным.

Если учесть все эти обстоятельства, мотивы признания Бородиным группы Роя и абсолютного игнорирования компартии Гэйла очевидны. Сиюминутный политический расчет перевесил все остальное. Только что рожденная мексиканская компартия была, по сути, принесена в жертву наполеоновским планам на Востоке. Сделав ставку на Роя как на лидера антиколониального движения в Азии, Коминтерн фактически отказался от возможностей, которые появились у него в Мексике с момента создания компартии. У мексиканских левых и представителя Коминтерна осенью 1919 г. имелись амбициозные планы и в Новом Свете. По предложению Бородина руководство МКП учредило Латиноамериканское бюро III Интернационала для ведения пропаганды по всему континенту и укрепления связей между всеми коммунистическими организациями и группами¹⁷⁸. Название газеты МКП «El Soviet» было изменено на «El Comunista», и она одновременно была провозглашена органом партии и бюро. Временный комитет бюро издал Манифест, в котором призвал трудящихся Латинской Америки принять участие в коммунистическом конгрессе, призванном объединить пролетариат региона на принципах классовой борьбы и создать постоянный Исполком Латиноамериканского бюро III Интернационала¹. Проинформировав А. Балабанову о создании партии и бюро, руководитель обеих структур Аллен обещал уже в ближайшем будущем развернуть их деятельность в континентальных масштабах и настаивал на официальном признании Латиноамериканского бюро Коминтерном^{179 180}.

Эти проекты были одобрены Москвой, признавшей Латиноамериканское бюро III Интернационала своей реально функционирующей структурой. Осенью 1920 г. руководство КИМа высказало пожелание, чтобы Федерация коммунистической молодежи Мексики взяла на себя функции Секретариата для Латинской Америки и поручила возглавить его своему представителю в Мехико – швейцарцу А. Штирнеру (Э. Воогу), действовавшему в тесном контакте с

¹⁷⁶ Письмо Х. и Р. Алленов [Э. Трент-Рой и М.Н. Роя] Рутгерсу из Берлина 18.4.1920 // Там же. Д. 9. Л. 4.

¹⁷⁷ Письмо Р.А. [Роберта Аллена (М.Н. Роя)] к Р. 21.5.1920 // Там же. Л. 16–16 об.

¹⁷⁸ Там же. Ф. 495. Оп. 108. Д. 1. Л. 6.

¹⁷⁹ Manifiesto del Buro Latinoamericano de la III Internacional a los trabajadores de América Latina // Oposición (México). 23–28.8.1979. Манифест был опубликован 8 декабря – вероятно, после отъезда Бородина, фактически же бюро было конституировано в конце ноября, в него вошли мексиканцы Х. Аллен, А. Руис, Е. Торрес, перуанец Л. Урмачеа и американец М. Брустер.

¹⁸⁰ Письмо Х. Аллена А. Балабановой. 29.11.1919 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 1–2.

Латиноамериканским бюро. Реально этот замысел удалось осуществить только после II конгресса КИМа, но большой активности эта структура не проявила¹⁸¹.

Поддержать деятельность Латиноамериканского бюро в Мексике Бородин предложил во время неофициальной встречи президенту В. Каррансе. Генеральный консул РСФСР в Мексике и представитель Коминтерна заявил о сочувствии нового российского правительства борьбе латиноамериканских народов против империализма и стремлении помочь им любыми доступными ему способами, считая одним из них работу в Мехико Латиноамериканского бюро. Расчет на решительную поддержку со стороны властей не оправдался: Карранса ограничился передачей наилучших пожеланий Ленину и предоставлением Бородину возможности связываться с Москвой при посредстве мексиканских дипломатов в Европе. Нет сомнений в том, что контакты, установленные Бородиным в Мексике с видными политиками, способствовали пониманию необходимости возобновления дипломатических отношений с Россией¹⁸². Важно иное – Латиноамериканское бюро получило негласное одобрение на работу (именно так надо рассматривать толерантное отношение властей к политической деятельности иностранцев – членов МКП, находившейся в очевидном противоречии со статьей 33 Конституции Мексики). Однако патронаж со стороны правительственных структур, на который возлагали надежды Рой и Бородин, оказался фикцией. В сложившихся условиях успех деятельности бюро должен был зависеть только от организационных способностей его руководителей, а оно изначально было ослаблено в связи с отъездом Роя и Филлипса из Мексики. Основание Латиноамериканского бюро можно расценивать как инициативу неофитов коммунистического движения, хотя и инициированную Бородиным. Важно при этом отметить, что идея такой организации носилась в воздухе: компартия Л. Гэйла организовала параллельное Латиноамериканское бюро и назначила свою делегацию на II конгресс Коминтерна.

Удачно завершив, как ему тогда казалось, свою миссию в Мексике, Бородин в декабре 1919 г. в сопровождении Филлипса отправился в Европу, куда примерно тогда же выехали и делегаты МКП на конгресс Коминтерна супруги Рой. Все четверо встретились уже в Москве. Филлипс (Х. Рамирес) имел официальный мандат делегата компартии Испании и попытался выступить в роли представителя Коммунистической секции Кубы, созданной при его непосредственном участии. Мандатная комиссия конгресса предоставила Рою и Трент-Рой право решающего голоса как делегатам Мексики, отложив решение о мандате Филлипса до предоставления им официального документа¹⁸³. Э. Рой в этих обстоятельствах делегировала свои полномочия члену ИК МКП Филлипсу, оставив за собой лишь право представлять партию на Женском конгрессе III Интернационала. Таким образом, делегатами МКП с правом решающего голоса стали Рой и Филлипс, а у Трент-Рой сохранился совещательный голос¹⁸⁴.

Рой представлял на конгрессе Мексику и Индию, но от обсуждения мексиканских проблем практически отошел, передоверив эту миссию Филлипсу и направив все усилия на решение проблем антиколониального движения в Азии. Именно тогда началось вознесение Роя на вершину коминтерновского Олимпа: неизвестному прежде в международном рабочем движении человеку поручается подготовка важнейшего теоретического документа – тезисов по

¹⁸¹ Письмо ИККИМ А. Штирнеру [Э. Воогу]. 3 сентября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 14. Л. 26–27; Курелла А. От Берлина до Москвы. М., 1930. С. 88–89.

¹⁸² Cardenas H. Las relaciones... P. 57; Cardenas H. Historia... P. 157; Микоян С.А. СССР – Мексика: 60 лет сотрудничества. М., 1984. С. 15–16.

¹⁸³ В альбоме автографов делегатов конгресса он расписался как делегат коммунистов Кубы // РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 об.

¹⁸⁴ Протокол заседания мандатной комиссии Второго конгресса Коминтерна // Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1 об., 3; Мандат Х. Рамиреса [Ч. Филлипса] // Там же. Д. 30. Л. 61–62, 94; Выписка из протокола заседания мандатной комиссии от 17 июля 1920 г. // Там же. Д. 27. Л. 1–2; Мандат Р. Аллена и Х.Б. де Аллен [М.Н. Роя и Э. Трент-Рой] // Там же. Д. 30; Заявление Х.Б. де Аллен [Э. Трент-Рой] в мандатную комиссию III Интернационала от 21 июля 1920 г. // Там же. Л. 90; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 354, 617.

национально-колониальному вопросу в дополнение к ленинским, а уже в следующем году он оказался в составе ИККИ¹⁸⁵. Случайности в этом не было – руководство Коминтерна с подачи Бородина, поддержанного Рутгерсом, рассматривало Роя как весьма перспективную фигуру для развертывания революционного движения в колониях. Для Ленина и ИККИ было очевидно: индийский эмигрант, сумевший достичь высокого положения в Мексике, способен организовать и возглавить антиколониальную борьбу в британских владениях. У Роя не было мандата делегата коммунистов Индии, да и само коммунистическое движение в этой стране начало формироваться позже при его участии. В нём были в тот момент важны даже не столько способности теоретика и организатора (хотя и их значения не стоит отрицать), сколько уникальное на тот момент стечение обстоятельств: делегат МКП, индеец, являлся коммунистом, что позволило ему мгновенно затмить своего наставника Бородина. И если во время встречи Роя с Лениным в центре внимания находились вопросы Латинской Америки, то уже беседа со Сталиным в основном была посвящена Азии¹⁸⁶. Именно с Азией московское руководство связывало так и не осуществившиеся планы направить tandem Бородин – Рой в Афганистан: первого – полпредом РСФСР, второго – руководителем центра антиколониального движения в Индии. Поскольку для Коминтерна азиатское направление представлялось более перспективным, руководство всемирной компартии, не колеблясь, пожертвовало работой мексиканской секции, перебросив Роя на Восток, которым активно намеревались заняться и III Интернационал, и НКВД РСФСР.

По воспоминаниям Роя и Филлипса, они оба выступали на заседаниях конгресса (американец «лишь однажды и очень коротко»). Материалы конгресса тем не менее содержат лишь стенограмму речи Роя как делегата Индии и его тезисы по национально-колониальному вопросу. Однако в архиве хранится краткий документ Филлипса¹⁸⁷, посвящённый деятельности международной коммунистической партии в Западном полушарии, в котором говорится, что «свержение капитализма в Америке» требует хорошо скоординированного движения во всей Америке, работать же в отдельных странах Центральной и Южной Америки на принципах II Интернационала «смешно». Насущной задачей Коминтерна в соответствии с программой Латиноамериканского бюро мексиканский делегат считал борьбу за объединение континентального рабочего движения¹⁸⁸.

В своих воспоминаниях Филлипс указывает, что во время встреч делегатов МКП с Лениным¹⁸⁹ тот, проявив интерес к Латинской Америке, хотел получить информацию не столько о социалистическом движении и МКП, сколько о массовых организациях и силе антиамериканских настроений населения. Филлипс считал, что вызвано это было или зачаточным состоянием коммунистического движения Мексики (что делало его малоинтересным для вождя мирового пролетариата), или тем, что Ленин уже беседовал по этому поводу с Бородиным¹⁹⁰.

На II конгрессе впервые прозвучали теоретические характеристики ситуации в Латинской Америке, но произошло это только в связи с оценкой роли Соединённых Штатов Америки в международных отношениях после Версаля. В видении лидеров III Интернационала «миро-

¹⁸⁵ Несмотря на то что практически Рой к этому времени утратил контакты с мексиканским коммунистическим движением, он еще продолжал рассматриваться в Коминтерне делегатом от Мексики, и в качестве такового участвовал в учредительном заседании ИККИ 13 июля 1921 г. (с совещательным голосом), одновременно представляя и Индийскую компартию. Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И.К. Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. до 1-го февраля 1922 г. Пг., 1923. С. 5–6.

¹⁸⁶ О деятельности Роя в Коминтерне см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Псевдоним – Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! // Латинская Америка. 1994. № 3. С. 107115; Das Gupta B.N.M.N. Roy. Quest for freedom. Calcutta, 1970.

¹⁸⁷ Не представляется возможным определить, является ли это записью выступления представителя МКП на конгрессе, не вошедшей по какой-то причине в стенограмму заседаний, или же текстом его выступлений на заседании одной из комиссий.

¹⁸⁸ Записка Ф. Симэна [Ч. Филлипса] об империализме. 1920 // РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

¹⁸⁹ О встрече Роя с Лениным см.: Из истории Коминтерна. М., 1970. С. 266.

¹⁹⁰ Gomez M. Op. cit. P. 43; Письмо Х. Рамиреса [Ч. Филлипса] В. Ленину 11.9.1920 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 828. Л. 1.

вая война окончательно выбила Соединенные Штаты из континентального консерватизма», преобразовав программу «расправляющего крылья национального капитализма – “Америка для американцев” (доктрина Монро)» в программу империализма: «Весь мир для американцев». «Продолжая все насильственнее подчинять себе американский континент, превращая страны Центральной и Южной Америки в свою колонию, Соединенные Штаты в лице обеих своих правящих партий, демократов и республиканцев, собираются, в противовес английской Лиге наций, создать свою собственную, т. е. с Северной Америкой в качестве центра мировой системы»¹⁹¹.

«Военные потрясения, оставившие в наследство глубокий экономический кризис, открывают новую главу в рабочем движении Соединенных Штатов, как и остальных стран Американского континента. Ликвидация шумихи и лжи вильсонизма есть вместе с тем ликвидация того американского социализма, который составляет смесь пацифистских иллюзий с ярморочной деловитостью и мирно дополняет слева тред-юнионизм Гомперса и К°. Теснейшее сплочение революционных пролетарских партий и организаций Американского континента – от полуострова Аляски до мыса Горн – *в тесно связанную американскую секцию Интернационала, противостоящую могущественному врагу*, империализму Соединенных Штатов, есть задача, которая должна быть и будет выполнена в борьбе со всеми силами, мобилизованными долларом на свою защиту»¹⁹².

Так как II конгресс считал аксиомой приближение гражданской войны во всем мире, одну из важнейших сил борьбы против могущества империализма он видел в движении колониальных народов против империализма, сочетающем разные формы социальной борьбы с национальной и проходящем «путь от первых младенческих шагов до зрелых форм борьбы... форсированным маршем под давлением новейшего империализма и под руководством революционного пролетариата»¹⁹³. Провозглашая Коминтерн международной партией пролетарского восстания и пролетарской диктатуры, не имеющей других целей и задач, кроме целей и задач самого рабочего класса, II конгресс тем самым нацеливал на решение этих задач в союзе с пролетариатом США и находившееся в эмбриональном состоянии коммунистическое движение Латинской Америки¹⁹⁴.

¹⁹¹ Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Июль-август 1920 г.: Стенографический отчет. М., 1934. С. 628–629.

¹⁹² Цит. по: Троцкий Л. Перманентная революция. М., 2005. С. 500–501.

¹⁹³ Там же. С. 497.

¹⁹⁴ Там же. С. 502.

2.2. Деятельность Латиноамериканского бюро III Интернационала

Делегация Мексики оказалась единственной, представлявшей Латинскую Америку на конгрессе, что способствовало росту престижа мексиканских коммунистов в глазах руководства ИККИ и сделало Мексику, хотя и на короткое время, центром коммунистического движения в латиноамериканском регионе.

Фактически признание МКП секцией Коминтерна предполагало и легитимацию Латиноамериканского бюро III Интернационала. Между тем уже сам состав Временного комитета бюро, который должен был показать интернациональный характер и потенциальные возможности регионального органа Коминтерна, на самом деле продемонстрировал случайность подбора кадров, ибо его немексиканские члены не представляли реально существовавших организаций. Это стало первой причиной быстро проявившейся нежизнеспособности бюро. Возможности Латиноамериканского бюро III Интернационала (ЛАБ) априори были ограничены. «Прорусская» составляющая мексиканского рабочего движения не имела устойчивых интернациональных связей. Контакты с США стали реальностью только после приезда Бородина и обрели стабильность после организации Катаямой в Мексике деятельности Американского агентства (Панамериканского бюро) Коминтерна. Реально в арсенале Бюро были контакты американских «уклонистов» – бежавших в Мексику противников участия в Первой мировой войне, большинство которых не имело веса в социалистическом движении США. С другой стороны, это были связи латиноамериканской и испанской революционной эмиграции, влившейся в коммунистическое движение. Но самые яркие ее представители (С. Сан-Висенте, Х. Рубио, В. Рекоба и др.) были анархистами, через которых можно было установить контакты только с их единомышленниками. Отсюда столь пристальное внимание Бюро к Кубе, откуда в Мексику переехало большинство из них. Результатом этих контактов было основание в декабре 1919 г. при участии Бородина и Ч. Филлипса Коммунистической секции Кубы¹⁹⁵.

Во время остановки в Гаване при возвращении в Европу Бородин, которому не разрешили сойти на берег, направил в кубинскую столицу своего спутника Филлипса для сбора материала о рабочем движении Кубы и перспективах организации рабочих на базе принципов III Интернационала. Филлипс связался с М. Салинасом, анархистом, симпатизировавшим коммунистическим принципам III Интернационала, лидером «радикального, классового сознательного юнионизма на острове», адрес которого получил от «товарища в Мексике». Во время пятиминутной встречи, выяснив, что его собеседник безоговорочно поддерживает деятельность «российского Советского правительства», мексиканский коммунист предложил идею создания коммунистической ячейки на Кубе. Салинас отреагировал с энтузиазмом, не преминув заявить, что все радикальные профсоюзы немедленно к ней присоединятся, а лично он «будет рад предпринять организационные меры». Присутствовавшие при их беседе левый анархист

¹⁹⁵ Отчет М. Бородина // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 7. Л. 92; Отчет Ф. Симэна [Ч. Филлипса] // Там же. Ф. 495. Оп. 105. Д. 2. Л. 2; Копия письма М. Салинаса Генеральному секретарю «Третьего Московского Интернационала» 6.12.1919 // Там же. Д. 2. Л. 1; III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1922. С. 8–9; Бюллетень Коммунистического Интернационала. 1921. № 93. С. 1–2. Подробнее см.: Хейфец В.Л. Коминтерн, Мексика и коммунистическое движение Кубы, 1919–1929 // *Americana*. Vol. 4. Волгоград, 2000. С. 260–279; Хейфец Л.С. Коминтерн и коммунистическое движение Кубы // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2001. № 2. С. 135–152. Советская историческая литература не обошла вниманием организацию Салинаса, однако авторами были расставлены акценты, не позволявшие адекватно оценить ее характер. В.И. Ермолаев, например, писал о «коммунистической партии», созданной Салинасом, в «прошлом анархистом», входившим в число видных руководителей «марксистских социалистических групп». Ермолаев В.И. Из истории рабочего... С. 200–201. См. также: Листов В. Рабочее сердце Гаваны. Очерки истории рабочего и профсоюзного движения на Кубе (1917–1985). М., 1987. С. 33–34. Все это не мешало ИККИ некоторое время числить группу Салинаса в реестре потенциальных членов Коминтерна.

А. Пеничет и еще три-четыре кубинца вошли во Временный Исполком Коммунистической секции Кубы, генеральным секретарем которой стал Салинас. Как следует из отчета Бородин, Филлипс вернулся «счастливым и ликующим», сообщив об организации «пару часов назад» коммунистической секции и принятой резолюции о присоединении к Коминтерну. Бородин, не планировавший подобного развития событий, отнесся к руководимой левыми анархистами «коммунистической секции» с достаточной долей иронии, назвав позднее события в Гаване «курьезным, но значительным инцидентом», демонстрирующим перспективы развития левого коммунизма, могущего дойти до отрицания самого понятия «политическая партия». Нелюбовь к партиям не помешала Салинасу воспользоваться неожиданно подвернувшейся оказией и отправить в Москву просьбу о приеме в III Интернационал – *всемирную коммунистическую ПАРТИЮ*. В своем письме он указал, что вышеупомянутая секция полностью присоединяется к «Третьему Московскому Интернационалу» и обещает «всеми силами бороться за распространение его идей и за разгром буржуазии во всем мире». Руководитель Коммунистической секции выразил её желание быть представленной на конгрессе Коминтерна, а также на латиноамериканском коммунистическом конгрессе. Хотя полномочия Ч. Филлипса как делегата Коммунистической секции Кубы на II конгрессе Коминтерна не были признаны¹⁹⁶, руководство III Интернационала вовсе не собиралось оставлять кубинских неофитов за пределами организации, и коммунистическая группа Кубы была приглашена на очередной всемирный конгресс. Сам факт приглашения КСК на III конгресс Коминтерна стал, несомненно, результатом контактов, установленных Бородиным и развитых ЛАБ. Связи эти, однако, так и не были скоординированы с континентальной работой, оставшейся лишь на бумаге.

¹⁹⁶ При этом на одном из заседаний ИККИ ему было предоставлено право голоса как представителю кубинской партии. М.Н. Рой участвовал в том же заседании в качестве делегата Мексики. Выписка из протокола заседаний ИККИ от 14 июля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.

2.3. Начало систематической работы по формированию региональных структур Коминтерна

Сам Исполком Коминтерна, понимая невозможность управлять всемирной компартией из одного центра и осознавая необходимость более тесной связи с секциями, учредил несколько региональных бюро для оказания содействия революционному движению, помощи в формировании компартий, обеспечения связей между ними и с центром Коминтерна в Москве. Они функционировали как вспомогательные структуры, выступая посредниками между ИККИ и компартиями в передаче денег, документов, оперативной информации. Вспомогательные бюро были в 1919–1920 гг. созданы на самых напряженных и представлявшихся перспективными в тот период направлениях деятельности III Интернационала: Венгерское, Баварское, Южное (для связи с Советской Венгрией и странами Юго-Восточной Европы), Скандинавское, Норвежское, Венское, Балканское, Ближневосточное и Западноевропейский секретариат¹⁹⁷. В круг обязанностей созданного решением Бюро ИККИ от 28 сентября 1919 г. Амстердамского бюро¹⁹⁸ входила пропаганда коммунизма среди рабочих Западной Европы и Америки для их объединения на основе принципов Коминтерна¹⁹⁹.

Бюро поручили «установить связь со всеми странами», совместно с отделением в Осло созвать по возможности в январе 1920 г. конференцию III Интернационала, издавать журнал «Коммунистический Интернационал», в случае необходимости изменив его название. Региональному органу Коминтерна были предоставлены полномочия в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, выступать самостоятельно от имени III Интернационала, а Рутгерс получил право подписывать акты от имени ИККИ и быть его полномочным представителем на конференции III Интернационала, если Исполком не сможет кого-либо командировать.

Задачи Амстердамского бюро (АБ) в Новом Свете были конкретизированы после приезда из Мексики Бородин, оценившего положение там как «великолепное», хотя и отметившего, что «много пошло не так, как ожидалось». Он информировал о создании Латиноамериканского бюро и решении, принятом на встрече испанских и мексиканских коммунистов, организовать в Испании с участием делегатов из Европы и Латинской Америки агентство новостей для постоянной международной связи²⁰⁰. По мнению Бородина, эта структура оказалась бы полезной, ибо бюро Коминтерна не имело возможности поддерживать связь с каждой отдельной страной в Европе, а Латинская Америка казалась столь удаленной от европейского коммунистического движения, как будто это «иная планета»²⁰¹. Руководство АБ после переговоров с Бородиным в Амстердаме в начале февраля решило поддерживать отношения с Мексикой через Испанию для распространения информации и создания связующего звена между Россией и этими странами²⁰². Было одобрено предложение Бородина об оказании финансовой

¹⁹⁷ Фирсов Ф.И. Коминтерн и строительство партии нового типа // Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий. М., 1972. С. 51; Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 10–13.

¹⁹⁸ Первоначальное название – Голландское отделение ИККИ, или Отдел Коммунистического Интернационала в Амстердаме. Протокол № 28 заседания ИККИ. 28 сентября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 78; Протокол № 29 заседания ИККИ 14 октября 1919 г. // Там же. Л. 80.

¹⁹⁹ Во главе Бюро, в которое входили лидеры голландских трибунистов Г. Роланд-Гольст, А. Паннекук, Г. Гортер, Д. Вайнкоп, В. ван Равенштайн, стоял С.Ю. Рутгерс, получивший инструкции лично от Ленина. Объявление о создании временного Амстердамского бюро КИ. // Там же. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Протокол № 28 заседания ИККИ. 28 сентября 1919 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 78; Бауман Г.С. Трибунисты – революционные марксисты Нидерландов. Ростов-на-Дону, 1981. С. 151; Loupan V., Lorraine P. L'argent de Moscou. Paris, 1994. P. 47–48.

²⁰⁰ Письмо М. Бородина из Мадрида в Амстердамское бюро 4.1.1920 // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

²⁰¹ Там же. Л. 1, 3.

²⁰² Там же. Л. 42–44; Копия письма Г. Троттера [Рутгерса] Бородину 15.2.1920 // Там же. Л. 12–12 об.

помощи газете «El Soviet» и запланировано издание еженедельника в Испании, который в перспективе мог стать средством и для распространения коммунистической пропаганды в странах Латинской Америки. Таким образом, для руководства коммунистическим движением Латинской Америки предполагалось создать многозвенную систему управления: Москва (ИККИ) – Амстердам (Амстердамское бюро) – Мадрид (Агентство новостей) – Мехико (Латиноамериканское бюро) – национальные секции Коминтерна. При этом не была рассмотрена система принятия решений, иерархии этих структур, принципы и размеры финансирования и т. д.

Из чего же исходил Бородин, предлагая свою концепцию? В первую очередь, он явно рассчитывал на опыт участия испанских социалистов в международном рабочем движении. Несмотря на отсутствие в Испании в тот момент коммунистической партии, в то время как в Латинской Америке уже действовали и две мексиканские партии, и ИСПА, и Коммунистическая секция Кубы, большевистский эмиссар рассматривал левое крыло Испанской социалистической партии как организационную и идеологическую базу для распространения марксизма во всей Ибероамерике: у испанских социалистов существовала организационная структура и издательская база. Облегчала возможности сотрудничества сторонников III Интернационала на Пиренейском полуострове и в Латинской Америке общность языка и схожесть менталитетов. Плюсом являлось наличие транспортных связей между Испанией и Новым Светом. Решающим аргументом, несомненно, были возможности оперативной связи с Амстердамским бюро как политическим и организационным центром Коминтерна в Западной Европе.

По всей видимости, с планом Бородина создать цепочку от Москвы до Мехико связано учреждение испанского отдела Петроградского бюро ИККИ во главе с Боровским. В доступных нам документах архива Коминтерна нет сведений о его работе, функциях, составе, целях, личности руководителя. Логика подсказывает, что в тот момент данная структура, возможно, даже и не приступившая к работе, должна была быть нацелена на деятельность не только в Испании, но и в Новом свете.

Парадоксом являлось в этой ситуации то обстоятельство, что Бородин, уехавший из Испании, не доведя до конца процесс переговоров об учреждении испанской секции Коминтерна²⁰³ и «не оставив четких инструкций и плана действий для борьбы внутри партии», передал свои полномочия Филлипсу. И этот неопит коммунистического движения, не имевший ни опыта партийной работы, ни международной известности, решительно взялся за организацию вступления одной из самых старых, авторитетных и массовых партий

II Интернационала в Коминтерн. По его предложению Комитет начал организацию левого крыла внутри ИСРП, чтобы «захватить руководство и направить партию по пути к коммунизму» или добиться прихода ее в III интернационал путем раскола²⁰⁴.

Не имело значения, какую партию представлял Филлипс, важным являлось то, кто его выдвинул. У Бородина были широкие права, значительная автономия действий, и, не имея устойчивой связи с ИККИ, он мог принимать самостоятельные решения от имени Секретариата Коминтерна. И он доверил полномочия по организации испанской компартии, которой по его плану должна была в будущем стать важным связующим звеном между Москвой и коммунистическим движением Латинской Америки, представителю мексиканской партии, которой

²⁰³ Бородин и Ч. Филлипс (Симэн, Х. Рамирес) вместе с М. Гарсия Кортесом, председателем мадридской секции ИСРП и ее секретарем С. Гонсалесом, Д. Ангиано, секретарем партии, членами НК ИСРП Р. Ламонедой и М. Нуньесом Аренасом, бывшим членом НК В. Гонсалес, Х. Лопесом и Р. Мерино Грасия, соответственно, председателем и секретарем Социалистической молодежи, входили во Временный Комитет III Интернационала, созданный в конце декабря 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 120. Д. 204. Л. 58.

²⁰⁴ Доклад о происхождении и основании Испанской коммунистической партии, представленный секретарем этой партии товарищем Р. Мерино Грасия бюро III Коммунистического Интернационала // Там же. Ф. 495. Оп. 120. Д. 204. Л. 59-59а.

на этой иерархической лестнице отводилось место ниже, хотя она и должна была стать координатором движения на континенте²⁰⁵.

На Амстердамской международной коммунистической конференции (февраль 1920 г.)²⁰⁶ секретарь Коммунистической партии Америки по международным делам Л. Фрайна продолжил попытки теоретического обоснования идеи о перспективности удара по империализму через колонии, предполагая возможность коммунистического движения США «пронзить жизненно важные центры» империализма в Латинской Америке. Теснейший контакт коммунистов обеих Америк Фрайна считал императивом. Исторически сложилась ситуация, при которой Социалистическая партия Америки избегала контактов с латиноамериканским движением, и оно в итоге больше тяготело к развитию связей с Испанией. Дабы покончить с этим положением дел, делегат КПА предложил создать Американское бюро Коминтерна²⁰⁷. Конференция поддержала его идею, поручив это КПА. Перед новым органом Коминтерна ставилась задача созвать Панамериканскую конференцию коммунистов. Уже после сообщения Бородина о ЛАБ в резолюцию было внесено изменение, согласно которому КПА вместе с Латиноамериканским бюро должна была трансформировать структуру последнего в связи с расширением поля деятельности Американского бюро, призванного представлять III Интернационал в Новом Свете, объединить коммунистическое движение Латинской Америки, США и Канады и руководить им, обеспечить представительство коммунистических организаций Западного полушария на конгрессе Коминтерна и наладить регулярные контакты с Центральным-Европейским бюро и РСФСР²⁰⁸. Таким образом, Латиноамериканское бюро должно было трансформироваться при сотрудничестве с КПА в панамериканский орган, а в схему Бородина были включены еще два промежуточных элемента – Американское бюро, которое должно было некоторое время (до объединения с Латиноамериканским бюро) функционировать в США автономно, и Центральное-Европейское бюро.

Проблемы у Американского бюро возникли немедленно из-за острого конфликта между параллельными компартиями США. В апреле исполнительный секретарь Коммунистической рабочей партии Америки (КРПА) А. Вагенкнехт проинформировал амстердамских товарищей о том, что Коммунистическая партия Америки, готовящая проведение континентальной коммунистической конференции, вступает в переписку с Южной Америкой, игнорируя при этом КРПА, и потребовал предоставить сведения о полномочиях, полученных КПА²⁰⁹. Протестуя против монополии своей соперницы в деле координации деятельности коммунистов полушария, КРПА вообще отказывалась признать «карьеристское меньшинство» (КПА) частью американского коммунистического движения²¹⁰.

²⁰⁵ С реализацией испано-латиноамериканского проекта явно была связана и планировавшаяся в 1920 г. вторая поездка Бородина в Испанию, которая по задумке являлась зеркальным отражением мексиканской: официальный статус делегата конгресса Всемирного почтового союза был совмещен с выполнением коминтерновских функций (очевидно, предусматривалась ревизия выполнения ранее принятых решений и достигнутых договоренностей, в т. ч. и по Латинской Америке). Для испанских неопитов Коминтерна связи через них с Латинской Америкой были неким пряником: им отводилась роль посредника, наставника зарождавшегося латиноамериканского коммунистического движения.

²⁰⁶ Международная Коммунистическая конференция в Амстердаме // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 78. Делегат МКП (Рой или Ч. Филлипс) приехал после окончания мероприятия, и с ним члены АБ смогли переговорить лишь частным образом. См.: Bulletin du Bureau Auxiliaire d'Amsterdam de l'Internationale Communiste. 1920. № 3. Р. 3 // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 4.

²⁰⁷ Фрайна Л. Американское движение // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 111–112.

²⁰⁸ Международная Коммунистическая конференция в Амстердаме // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 81; Bulletin du Bureau Auxiliaire d'Amsterdam de l'Internationale Communiste. № 3. Mars 1920. Р. 9 // Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

²⁰⁹ Письмо исполнительного секретаря КРПА А. Вагенкнехта в АБ 7.4.1920 // Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 117.

²¹⁰ Письмо Вагенкнехта в АБ 22.4.1920 // Там же. Л. 146–147.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.